

МОНИКА МАККАРТИ

Стрела любви

ШАРМ

Моника Маккарти

Стрела любви

Серия «Стража Нагорья», книга 10

Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67077088

Маккарти, Моника. Стрела любви: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-136364-2

Аннотация

Отправляясь воевать за свободу родной Шотландии под знаменами мятежного короля Роберта Брюса, Йен Маклин знал, что становится врагом семьи своей юной жены, прекрасной Маргарет Макдауэлл, – ведь ее отец и весь ее клан держали сторону англичан. Но Йен не ожидал, что и Мэгги, в чувствах которой был уверен, предаст его и все, чем он дорожил, и станет причиной гибели двух братьев Брюса...

Теперь, шесть лет спустя, Йен возвращается, чтобы свести, наконец, счеты с отцом предательницы, которую, как он надеется, ему удалось вырвать из сердца. Однако с первого взгляда на Мэгги он понимает: страсть к ней жива по-прежнему. Но можно ли одновременно презирать женщину, не доверять ей и любить больше жизни?..

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	47
Глава 4	64
Глава 5	80
Глава 6	93
Глава 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Моника Маккарти

Стрела любви

Monica McCarty
The Striker

© Monica McCarty, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Предисловие

Год 1313-й. После почти семи лет войны Роберт Брюс вернулся практически из небытия, чтобы отобрать большую часть королевства у англичан и выступавших против него шотландцев.

Последний вызов англичан будет брошен очень скоро, а пока в Шотландии сохранялись очаги сопротивления человеку, которого называли королем Робертом I. Самым значительным из них оставалась юго-западная провинция Галлоуэй, которой правил Дугалд Макдауэлл, безжалостный глава клана Макдауэллов.

Заставить повиноваться Макдауэлла, ответственного за один из самых мрачных моментов в борьбе за трон, стало главной заботой Роберта Брюса.

К выполнению столь важной миссии он привлек Йена Маклина, одного из своих прославленных воинов из тайной элитной шотландской гвардии, у которого были личные причины желать разгрома Макдауэллов.

Но только месть никогда не бывает такой легкой, как кажется, и Йену, в конце концов, предстоит посмотреть в лицо прошлому, которое продолжает его преследовать, и вернуться к дням, предшествовавшим началу борьбы Брюса за трон.

Глава 1

*Церковь Святой Девы близ замка Бернард
Дарем, Англия, 17 января 1313 года*

День был чертовски хорош для свадьбы, и Йен Маклин, решивший использовать свадебные торжества как ловушку – чтобы схватить самого разыскиваемого в Шотландии человека, – умел ценить иронию.

Солнце, много недель прятавшееся за грозовыми облаками, выбрало именно это утро в середине зимы, чтобы вновь появиться на небосклоне и ярко осветить насквозь промокший английский городок, заставив густую траву вокруг маленькой церкви искриться, а оставшуюся на деревьях листву таинственно мерцать. Создавалось впечатление, что деревья сделаны из золота и янтаря. К сожалению, солнце освещало и сверкавшие под его лучами кольчуги, не позволяя воинам слиться с окружающей местностью и остаться незамеченными (эти длинные кольчуги были непривычными для людей Брюса, предпочитавших легкие кожаные котуны), но в данном случае без них было не обойтись.

С их позиции на поросшем лесом холме за церковью крошечная деревушка на реке Тис, притаившаяся в тени замка Бернард, выглядела прелестной и живописной – великолепный фон для красавицы невесты и ее английского жениха.

Губы Йена сжались, он сурово нахмурился, и на душе у него стало беспокойно. Ему было стыдно портить праздник: ну, почти стыдно, – но он ждал этого дня шесть лет, и ничто не могло помешать ему наконец-то схватить человека, ответственного за самую ужасную катастрофу, обрушившуюся на Роберта Брюса (а их случилось немало – было из чего выбирать). И если для этого ему, Йену, придется разрушить счастье молодоженов, что ж, значит, им не повезло.

Наконец-то они добрались до негодяя Дугалда Макдауэлла, главы древнего кельтского королевства Галлоуэй, последнего, что противилось правлению Брюса. Именно Дугалд Макдауэлл был виновен в убийстве семи сотен человек, среди которых были два брата Брюса. Ублюдох годами уходил от преследования, но все-таки совершил ошибку.

Йен машинально поискал пальцами резной кусочек слоновой кости, который всегда носил в поясной сумке – споране. Он был на месте, как и зачитанный клочок пергамента. Без этих своеобразных талисманов Йен никогда не шел в бой.

– Ты уверен, что он будет здесь?

Йен повернулся к говорившему. То был Юэн Ламонт, его соратник по шотландской гвардии и один из дюжины воинов, сопровождавших его в этой опаснейшей миссии глубоко в тыл врага. Сам Брюс тоже прошлым летом возглавлял рейды в Дарем, но в распоряжении короля имелась армия. А вот если горстка людей Йена попадет в беду, то здесь, за

сотни миль от шотландской границы, им никто не придет на помощь. Здесь он, Йен, единственный командир, и его долг – позаботиться о своих людях.

«Orugnate acriter!» – «Бей сильно!» Он всегда так и делал, потому и заслужил свое прозвище – Гарпун. Так его прозвали воины тайной шотландской гвардии Брюса. Раз за разом дерзкие вылазки людей Брюса наносили сильнейшие удары по противнику, и сегодняшний день – не исключение. Просто сегодня план оказался даже более смелый (или безумный), чем обычно. А это говорило о многом.

Йен встретился взглядом с другом, глаза которого блестели в прорезях шлема.

– Да, уверен, – отозвался Йен. – Макдауэлл ни за что на свете не пропустит свадьбу дочери.

О планируемой свадьбе Мэгги – Маргарет – он узнал случайно. Йен, Ламонт, Робби Бойд и Джеймс Дуглас весь последний месяц находились в Галлоуэе вместе с Эдуардом Брюсом, единственным оставшимся в живых братом короля, и они делали все возможное, чтобы нарушить связи и пути подвоза между крепостями Макдауэлла в юго-западной провинции Галлоуэя и Карлайлом в Англии, поставлявшим им провизию и прочие грузы. Во время одной из вылазок они перехватили почту, в которой обнаружилось письмо от сэра Джона Коньерса, управляющего замком Барнард, графу Уорвику. В нем была указана дата венчания Коньерса с возлюбленной дочерью Макдауэлла. У Дугалда было восемь сыно-

вей и только одна дочь, поэтому ошибки быть не могло.

Зная о слабости друга к этой женщине, Ламонт усмехнулся:

– Полагаю, то же самое можно сказать и о тебе.

Губы Йена скривились в ухмылке. Впрочем, в его глазах было больше гнева, чем веселья.

– Ты чертовски прав, – проворчал он.

Да, верно. Эту свадьбу он не пропустит ни за что на свете. А тот факт, что он сможет наконец схватить своего самого ненавистного врага, делал происходящее еще привлекательнее. Два давних долга будут уплачены в один день.

Но... проклятье! Сколько же это займет времени? Он всегда испытывал нетерпение перед ответственной миссией, но сегодня дела обстояли даже хуже, чем обычно. Хм... что это? Неужели у него дрожат руки?

Он бы посмеялся, если бы не понимал, в чем дело. Тот факт, что он, Йен, увидит ее после всех прошедших лет – после того, что она сделала, – приводил его в бешенство, отсюда и нетерпение... Но нет, он вовсе не переживает. Он холоден словно лед и тверд как сталь. Его ничто не беспокоит и не проникает в душу. Уже давно.

Наконец на подъемном мосту появились всадники, один из которых держал в руке сине-белый флаг, возвещавший о прибытии жениха.

Йен прищурился, поправил тяжелую кольчугу и надел украденный плащ-сюрко, который вовсе не случайно тоже

был сине-белым.

– Готовимся, – сказал он приятелю. – Скажи, чтобы все приготовились и ждали моего сигнала.

Ламонт кивнул, но не пожелал командиру удачи – Йену это не требовалось. Когда речь шла о стратегии и планах, ему не было равных. Он любого мог перехитрить, переиграть, превзойти, а если необходимо, то и одержать верх в открытом бою. Пусть шесть лет назад Макдауэлл вышел победителем, но сегодня Йен сравнивает счет.

– *Vàs goimb Gèill!* – сказал Ламонт.

«Умрем, но не сдадимся!» – таков девиз шотландской гвардии. И если им повезет, то Дугалд Макдауэлл непременно будет мертв.

Она все делает правильно, Маргарет в этом не сомневалась. Прошло почти шесть лет. Она достаточно погоревала и заслужила шанс на счастье. Но, что еще важнее, ее сын заслужил шанс вырасти под влиянием хорошего человека. Доброго человека. Мужчины, которого не ожесточило поражение.

Все так, но почему-то она встала еще до рассвета и все утро суетилась, не в силах посидеть спокойно ни минуты. Маргарет чувствовала подступающую панику – именно панику, а не приятное предсвадебное беспокойство.

Мэгги вовсе не нервничала из-за свадьбы. Только немного заныло сердце, когда она позволила себе мысленно вернуть-

ся в те времена, когда жизнь казалась ей прекрасной. Она тогда была так счастлива, так переполнена любовью и надеждами на будущее... Сердце заняло сильнее, и Маргарет тяжело вздохнула.

О, она была наивной дурочкой, дерзкой и уверенной, что все будет так, как она захочет. Лучше бы ей тогда побеспокоиться.

Но, увы, Маргарет была очень молода – слишком молода. Ей было всего лишь восемнадцать. Ах, если бы вернуться назад! Сейчас, накопив кое-какой жизненный опыт, она бы вела себя иначе.

Но нет, прошлое изменить невозможно. Что же касается будущего... Не думать об этом! Она вернулась в настоящее и сосредоточилась на мыслях о сыне – именно это помогло ей излечиться от прошлой боли, вырвало из беспросветной тьмы и заставило жить. Она стала думать о своем пятилетнем сыне Эхане, или, как его звали англичане, Гекторе.

У Эхана была маленькая комнатка, смежная с ее комнатой, в особняке, который являлся их домом в Англии в течение последних четырех лет – после того как ее отец был вынужден бежать из Шотландии, – но сегодня утром они с сыном покинут Темпл-Котон навсегда. После свадебной церемонии они переедут в замок Бернард вместе с ее женихом – нет, мужем, поправила она себя, в очередной раз почувствовав, как сердце упало куда-то в живот и тревожно заколотилось.

Маргарет заставила себя улыбнуться и с любовью взглянула на сына, который сидел на кровати и беззаботно болтал ногами, наклонив кудрявую головку. Его шелковистые волосики, в младенчестве совсем светлые, уже начали темнеть. Как у его отца. Он вообще так похож на отца, что один только взгляд на него должен был причинять боль, но ничего похожего не происходило. Каждый взгляд на сына приносил ей радость. В Эхане она видела ту часть мужа, которую не смогла отнять смерть. Ее сын принадлежал ей безраздельно – так, как никогда не принадлежал муж.

Ее захлестнула горячая волна любви.

– Тебе что-нибудь нужно?

Эхан взглянул на мать. Его глаза поражали пронзительной голубизной. Это были глаза мужчины, который дал ему свою кровь, пусть даже ничего больше. Мальчик пожал плечами. Он был копией отца, таким же серьезным и задумчивым.

– Думаю, что нет, – отозвался малыш.

Обойдя два больших сундука, Маргарет внимательно оглядела комнату. Следовало убедиться, что они ничего не забыли. Прямо под ногами мальчика выглядывал из-под кровати уголок темного дерева.

Заметив, куда мать смотрит, Эхан попытался задвинуть деревяшку дальше под кровать.

Маргарет нахмурилась и присела на край кровати рядом с сыном. Он не смотрел на нее. Но ей не надо было видеть его лицо, чтобы понять, как он огорчен.

– Почему ты решил не брать с собой шахматную доску? – спросила она. – Мне казалось, это твоя любимая игра.

Мальчик покраснел.

– Дедушка сказал, что я уже слишком большой, чтобы играть с куклами. Я должен научиться владеть мечом, иначе стану таким же вероломным ублюдком и предателем, как мой отец.

Малыш стиснул зубы. Его лицо стало упрямым и суровым. Мэгги тихо вздохнула. Интересно, почему она никогда не замечала отрицательных черт своего отца, пока они не проявились в его внуке?

– Но он не предатель! Я обязательно позабочусь о том, чтобы кровавый узурпатор был свергнут с трона, а добрый король Иоанн вернул себе корону. Пусть даже это будет мое единственное дело на этой земле.

Маргарет похолодела. Эхан говорил словами ее отца. Малыш вдруг поднял голову и спросил:

– А что такое ублюдок?

– К тебе это не имеет никакого отношения, – сказала Маргарет и крепко обняла сына.

Если ей требовалось еще одно доказательство того, что она поступала правильно, она его получила. Маргарет любила отца, но она не позволит ему дурно влиять на малыша. И она не допустит, чтобы Эхан превратился в злобно-го брюзгу, абсолютно уверенного в том, что весь мир ополчился против него. Отец искренне считал себя последним

истинным патриотом, сторонником дела Баллиола, и единственным представителем шотландской знати, до сих пор не подчинившимся узурпатору – Роберту Брюсу.

Маргарет понимала отца и даже сочувствовала ему, но при этом не желала, чтобы ее сын превратился в миниатюрную версию деда. Дугалд Макдауэлл считал отца Эхана вероломным ублюдком, но любил своего единственного внука. Он недавно сообщил о своем решении – Эхану предстояло воспитываться у Тристана Маккана, его преданного оруженосца, и таким образом мальчик находился бы ближе к деду. Это стало последней каплей, и Маргарет приняла предложение сэра Джона Коньерса.

Когда настанет время и сыну придется ее покинуть – да поможет ей Господь пережить этот день, – сэр Джон, а не ее отец выберет для него подходящую семью. Пусть лучше мальчика воспитывает английский рыцарь, а не человек, полностью находящийся под влиянием ее отца. Безопасность сына превыше всего.

– Шахматные фигурки не куклы, любовь моя.

Маргарет достала из-под кровати доску, раскрыла ее и стала с любовью перебирать вырезанные из дерева и покрашенные фигурки. В некоторых местах краска облупилась, а тщательно прорисованные лица фигурок поблекли от частого прикосновения пальцев игроков. Она научила Эхана играть в шахматы, когда ему было три года. Правда, играть ему приходилось в основном с самим собой, поскольку –

стыдно признаться – у нее никогда не хватало на это терпения. Но мальчик полюбил эту игру. Ее сын был удивительно умен, и Маргарет им бесконечно гордилась.

– Шахматы – игра королей, – добавила и криво улыбнулась. – Твой отец часто играл в шахматы.

Эхан явно удивился. По разным причинам мать редко говорила об отце – в основном потому, что любое упоминание о нем вызывал гнев в ее семье. Все они старательно делали вид, что «вероломный ублюдок» никогда не существовал на свете – и уж точно не имеет отношения к Эхану. Хотя достаточно было одного взгляда на мальчика, чтобы убедиться в ошибочности такого мнения.

– Правда? – переспросил Эхан.

Маргарет кивнула.

– Да, правда. Это он научил меня играть. Твой дедушка так и не освоил эту игру, поэтому... – Мэгги на мгновение задумалась, подбирая слова. – Он не может понять, насколько полезно для воина умение играть в шахматы.

Эхан очень удивился.

– Но почему?

Маргарет ухмыльнулась.

– Ну, доску можно метнуть, как диск, а фигурки использовать в праще.

Мальчик закатил глаза. Ей никогда не удавалось провести его, хотя малышу было всего пять лет. Он всегда понимал, когда она его дразнит.

– Не говори глупости, мам. Это плохое оружие.

В этот момент он был так похож на отца, что Маргарет пришлось рассмеяться, чтобы не расплакаться.

– Ладно, ты меня поймал. Я пошутила. Ты прочитал до конца фолиант, который нашел для тебя отец Кристофер?

Сначала они читали его вместе, но Эхан читал намного быстрее, и ему наскучило ее ждать. Сын быстро обгонял ее во всех науках.

Мальчик утвердительно кивнул, а Маргарет продолжила:

– Царь Леонид был великий воин. Никто не мог превзойти его во владении мечом, но вовсе не это сделало его великим полководцем, обессмертившим свое имя в веках. Он был очень умен. Именно ум помог ему победить персов при Фермопилах. Он разрабатывал планы и принимал стратегические решения применительно к местности, на которой находился.

Эхан широко улыбнулся.

– Так же, как в шахматах?

– Вот именно. Твой отец тоже был непревзойденным мастером стратегии. Он был одним из умнейших людей, которых мне доводилось встречать. Например, ты смотришь на шахматную доску и видишь, что делать, а он смотрел на армию на поле боя – и тоже видел. Видел, как будут развиваться события дальше. Он мог разгромить врага, даже не вытащив меч из ножен.

Правда, отец Эхана предпочитал боевой топор, как и его

прославленный дед, в честь которого он был назван, мечом он также владел в совершенстве. Но Маргарет не стала говорить об этом. Хотя прозвище ее сына намекало на связь с одним из величайших воинов древности Гектором Троянским, героем Троянской войны, Эхан пока был слишком мал, и ему еще предстояло почувствовать любовь к оружию. Она ничего не имела против того, чтобы ее сын вообще никогда не брал в руки оружия, а посвятил жизнь... предположим, книгам. Но она знала: Дугалд Макдауэлл хотел, чтобы его внук превратился в яростного воина, очередного Макдауэлла, посветившего свою жизнь войне, которая никогда не кончится.

Но она этого не допустит. Постоянный конфликт, омрачающий ее жизнь – разрывающий ее жизнь на части, – не омрачит жизнь ее сына.

Маргарет встала.

– Почему бы тебе не положить шахматы в дорожный сундук? А я пока скажу дедушке, что мы готовы.

Мальчик кивнул и спрыгнул с кровати. Маргарет уже подошла к двери, когда вдруг почувствовала, как маленькие ручки обвилились вокруг ее ног, а тоненький голос прошептал:

– Я люблю тебя, мама.

Ее глаза наполнились слезами, и она, сдерживая их, проворчала:

– А я люблю тебя, малыш. Люблю больше жизни.

Произнося эти слова, Маргарет ощутила прилив уверенности. Да, она все делала правильно.

Три часа спустя ей пришлось напомнить себе об этом. Когда она подошла к дверям церкви и увидела отца, сына и шестерых братьев слева от нее, а сэра Джона справа, да и весь гарнизон Бернард собрался вокруг, уверенность в том, что она поступала правильно, покинула Маргарет. Напротив, теперь ей казалось, что она совершала ужасную ошибку.

И если бы не твердая рука, поддерживавшая ее, то она вполне могла бы рухнуть на землю. Ее ноги словно превратились в желе.

Сэр Джон, вероятно, что-то почувствовал, накрыл ладонью ее пальчики, лежащие на сгибе его локтя, и тихо спросил:

– Ты в порядке, дорогая? Ты сильно побледнела.

Маргарет пришлось задрать голову, чтобы взглянуть на будущего супруга. Он был очень высок, хотя и не так высок, как ее первый муж. Но сэр Джон тоже был красив. Может быть, даже красивее, если предпочитаешь мягкое совершенство резким, словно вырубленным из камня чертам. И еще сэр Джон любил улыбаться, и делал это довольно часто в отличие от ее первого мужа, который почти никогда не улыбался. Заставить его улыбнуться было настоящим испытанием. Зато когда Маргарет это удавалось, она чувствовала, что получила величайшую награду. Кроме того, жизнь сэра Джона не ограничивалась только сражениями в отличие от жизни ее первого мужа, который постоянно думал о битвах и гово-

рил в основном о них. Нет, у сэра Джона было много разных интересов, и он часто беседовал с ней, делился своими мыслями и не относился к ней как к досадной помехе.

Тогда почему же она чувствовала себя все хуже и хуже? Почему правильная свадьба с совершенным во всех отношениях мужчиной вызывает у нее намного меньше энтузиазма, чем прошлая неправильная свадьба с неподходящим мужчиной?

«Потому что ты его не любишь».

Но она полюбит его! Ее чувство вырастет и окрепнет, и ничто не сможет этому помешать. Ей дан второй шанс на счастье, и она его не упустит! Ни за что на свете.

Мэгги сделала глубокий вдох и улыбнулась, на сей раз вполне искренне.

– Я утром слишком нервничала и не смогла позавтракать. Боюсь, в этом все дело. Но не волнуйся, со мной все в порядке. Или будет в порядке, когда мы сядем за праздничный стол.

Сэр Джон нежно улыбнулся невесте. Ей показалось, что он почувствовал облегчение.

– Тогда не будем терять времени. – Он наклонился и прошептал ей на ухо: – Не хочу, чтобы моя невеста лишилась чувств еще до брачной ночи.

Их взгляды встретились. Маргарет заметила озорной блеск в глазах жениха и засмеялась.

– Значит, я должна лишиться чувств после ночи?

Сэр Джон лукаво улыбнулся.

– Посчитаю величайшим комплиментом, если так и прозойдет. Любой жених надеется настолько утомить невесту, что она лишится чувств. – Он кивком указал на сопровождавших их солдат. – Должен же я чем-то похвастаться перед ними за кружкой эля?

– Ох, ты ужасен, – сказала Маргарет и снова засмеялась.

Вот почему она выходила за него замуж. Вот почему они будут счастливы. Он заставляет ее смеяться. А ведь она так давно не смеялась, что уже почти забыла, как это делается. Его чувство юмора такое же дерзкое и бесшабашное, как и у нее когда-то в прошлой жизни...

Проследив за его взглядом, Маргарет уставилась на большую группу воинов в кольчугах.

– Значит, вы об этом говорите, когда собираетесь вместе? – спросила она. – Но разве ты не нарушил какую-нибудь тайную мужскую договоренность, выдав мне этот секрет?

Сэр Джон ухмыльнулся.

– Возможно. Но я верю, что ты меня не выдашь.

«Ты меня не выдашь...»

По ее спине пробежал холодок. Взгляд зацепился за что-то в толпе. Кожу стало покалывать, а волосы на затылке вроде бы даже зашевелились.

Слова сэра Джона пробудили воспоминания, напомнили о чувстве вины.

«Никому не говори о моем присутствии».

Боль, которую не смогли унять шесть долгих лет, пронзила сердце. Господи, как могла она быть такой глупой? В том, что ее муж умер, есть только один положительный момент: она никогда не узнает, как сильно он стал бы ее презирать за предательство.

– Маргарет? – Голос сэра Джона вернул ее к действительности. – Нас ждут.

Священник и ее отец стояли рядом и, как выяснилось, смотрели на нее: священник – вопросительно, отец – хмуро. Игнорируя их обоих, Маргарет повернулась к жениху и тихо сказала:

– Тогда давайте начнем.

Стоя рядом у церковной двери, они отчетливо повторили слова клятвы, которой предстояло связать их навсегда.

Если воспоминания о другом обмене клятвами и пытались вторгнуться, Маргарет их не допустила. «На этот раз все иначе», – сказала она себе. Да, были клятвы у дверей церкви, но не будет мессы, потому что она вдова.

Конечно, ей ни к чему эта долгая и скучная месса, но Маргарет была достаточно умна, чтобы не говорить об этом. Теперь она поумнела и уже не является непочтительной дикаркой из Богом забытого уголка Галлоуэя. Она никогда не даст повод сэру Джону стыдиться ее.

Когда священник спросил, есть ли среди присутствующих человек, возражающий против этого союза или знающий причину, по которой брак не может быть заключен,

Маргарет показалось, что у нее остановилось сердце. Тишина длилась целую вечность. И тут вдруг из толпы раздался голос:

– Мне известна такая причина.

Голос звучал громко и отчетливо, и тем не менее на какой-то миг Маргарет решила, что ей это почудилось. Толпа же возбужденно зашумела. Все головы повернулись к говорившему, и Маргарет поняла, что голос действительно прозвучал.

Сэр Джон тихо выругался и пробормотал:

– Если это чья-то злая шутка, кое-кто о ней пожалеет.

– Эй, вы, там! – крикнул священник. – Если вам есть что сказать, выйдите вперед и говорите.

Толпа расступилась, пропустив воина – очень высокого и мощного. Странно, но забрало его шлема было опущено.

Он сделал несколько шагов вперед, и Маргарет замерла. У нее перехватило дыхание. Только у одного человека на свете была такая походка – до боли знакомая.

«Нет, этого не может быть!»

Все в изумлении смотрели на воина, одетого в цвета Кольера. Ее глаза тоже были прикованы к этому человеку.

Воин остановился в нескольких футах от нее.

Он стоял, не двигаясь и повернув голову в ее сторону. Его глаза были скрыты в тени стального шлема, но Маргарет чувствовала его взгляд: осуждающий, обвиняющий, презрительный.

У нее задрожали колени. Она была не в силах выносить эту пытку.

– Что все это значит, Коньерс? – спросил ее отец, явно обвиняя сэра Джона в неуместном поведении одного из его людей.

– Говорите, – приказал священник. – Вам действительно известно препятствие, из-за которого эта пара не может вступить в брак?

Воин поднял забрало шлема, и их глаза встретились. Маргарет так и не удалось забыть эти пронзительные темные глаза – синие, словно полуночное небо. Казалось, все ее тело скрутила боль – острая и безжалостная, голова закружилась. Слова воина доносились до нее словно откуда-то издалека.

– Да, препятствие есть. – Ах, этот голос! Сколько раз она слышала его по ночам – низкий, бархатистый, завораживающий: «О, Мэгги, это так приятно. Знаешь, что я сейчас сделаю?» – Невеста уже замужем.

– Кто же муж? – со злостью спросил священник, считая, что мужчина решил сыграть злую шутку.

Но только воин не шутил.

– Я, – ответил он.

Но Маргарет уже не слышала его ответа: лишившись чувств, рухнула на землю у церковной двери. К сожалению, мечта сэра Джона осталась неосуществленной. Его невеста лишилась чувств до брачной ночи.

Глава 2

*Замок Стерлинг, Шотландия,
конец сентября 1305 года*

– Ты уверена, Мэгги?

Маргарет решила, что вопрос риторический. Она была уверена во всем, и ее старая подруга это отлично знала.

– Ты когда-нибудь видела что-то подобное, Бриг?

Вопрос Маргарет тоже был риторическим. Разумеется, подруга ничего подобного не видела. Как и Маргарет, Бригид никогда не отъезжала от своего дома в Галлоуэе, расположенном в самом удаленном юго-западном уголке Шотландии, дальше чем на двадцать миль. Ее дом был так далеко, что, казалось, уже в другом мире. Боже правый, им потребовалось две недели, чтобы добраться сюда со всеми пожитками, и это было путешествие, которое она вовсе не мечтала повторить в обозримом будущем.

И если ей повезет – когда ей повезет, – то не придется возвращаться обратно. Хотя сбор в Стерлинге являлся попыткой заставить союзников шотландских соперников за корону объединиться против общего врага – Англии, у ее отца была другая цель. Он хотел предложить брачный союз между Маргарет и Джоном Комином, сыном Джона – Красногоса – Комина, владельца Баденоха. А ей предстояло завоевать

сердце молодого лорда, вызвать у него желание жениться на ней. Поскольку же именно завоеванием мужских сердец она занималась с тех пор, как начала говорить, то, вероятно, будет помолвлена уже через две недели.

Маргарет огляделась.

– Разве это не восхитительно? Ты только посмотри, как высоко располагаются стропила! А зал так велик, что даже странно, что потолок еще не обрушился. Интересно, как они все это построили? – Мэгги не ждала ответа и, выпалив последнее слово, устремилась в другой конец комнаты, чтобы рассмотреть огромный очаг. – Я могу залезть внутрь и стоять там! – воскликнула она и, пригнувшись, заглянула в камин.

Бригид рассмеялась, но сразу опять стала серьезной.

– Будь осторожна. Угли еще тлеют. У тебя загорятся юбки.

– Это произведет впечатление, не так ли? – Маргарет беззаботно улыбнулась. – Тогда меня уж точно никто не забудет. Разве можно забыть девушку, которая в день приезда подожгла свои юбки, забравшись в камин.

– Тебя и так не забудут, – сказала Бригид ласково, хотя и не без зависти, взглянув на подругу.

Маргарет ее не слушала. Она уже рвалась к новым открытиям. С тех пор как они несколько часов назад прибыли в Стерлинг, каждая минута была наполнена замечательными открытиями. Она поспешно вымылась – в самой роскошной ванне, которую ей доводилось видеть, – переделалась, несколько раз провела гребнем по еще влажным волосам

и потащила за собой Бригид – осматривать замок. Отдохнуть можно и ночью.

Девушка провела ладонью по стене.

– Это штукатурка. А я не была уверена. Как тонко изображен герб... Издалека мне показалось, что это настоящий щит. Подумать только, они разрисовали все стены в комнате кирпичами, перевитыми виноградными лозами. Пустого места не осталось. Я еще не видела такой красивой комнаты. Ох, ты только посмотри на шторы! – Мэгги подошла к окну и завернулась в тяжелую пурпурную занавеску. – Из этого можно было бы сшить чудесное платье! – Опустив глаза, она окинула взглядом свой скромный наряд. – Эта штора тоньше и красивее, чем все мои платья. Как ты думаешь, кто-нибудь обратит внимание, если мы возьмем ее себе?

Бригид с улыбкой пожалала плечами.

– Вот уж не думала, что из такой замечательной ткани могут шить шторы, – заметила она. – Как ты думаешь, наши платья будут сильно отличаться от платьев других дам?

– Надеюсь. – Маргарет горделиво расправила плечи. – Мы носим лучшую шотландскую шерсть! В Галлоуэе самые лучшие ткачи. Полагаю, другие дамы будут нам завидовать.

Бригид прикусила губу. Очевидно, подруга ее не убедила. Маргарет вскинула голову. Подруга беспокоилась из-за сущих глупостей. В конце концов, это же просто одежда...

Она прошла в смежную комнату.

– Смотри, Бригид, это что-то вроде личного солара. О бо-

же! Ты видишь эти подсвечники? Кажется, они из чистого золота. – Маргарет уселась на одну из скамеек. – Здесь нет ни одного сиденья без подушечки. Черт возьми, вернувшись домой, я сошью подушечки для всех скамеек.

– Не богохульствуй, Мэгги. К тому же ты не умеешь шить.

Маргарет сочла эту деталь несущественной и показала подруге язык. Бригид слишком много внимания уделяет мелочам и всегда старается вернуть Мэгги с небес на землю. Возможно, именно поэтому они такие хорошие подруги. Бригид – мачта для ее паруса. Она не позволяла ей улететь по ветру. Ну или улететь по ветру слишком далеко. Что же касается богохульства, то ее братцы употребляли и более крепкие выражения. Так что если кто и отправится в ад, то не она, а они.

– Что ж, тогда я поручу Марсаили их сшить.

– Не думаю, что она любит шить больше, чем ты, – заметила Бригид.

– По крайней мере она знает, как это делается.

Маргарет встала и подошла к столу, на котором лежала доска с начерченными на ней клетками и стоявшими на ней маленькими фигурками. Девушка взяла одну из них. Похоже, они были вырезаны из слоновой кости. Фигурки – самые разные, двух цветов, причем одни стояли на доске, другие – на столе, по обеим сторонам доски.

– Наверное, комната предназначена для детей, – сказала Мэгги. – Это похоже на игру.

– Это определенно какая-то игра. – Бригид нахмурилась, увидев, что подруга взяла вторую фигурку. – Может, не надо это трогать, Мэгги... Вдруг кто-нибудь рассердится?

Маргарет с изумлением взглянула на подругу.

– Но это всего лишь игра, Бриг. Думаешь, кому-то до нее есть дело? – Она схватила две самые большие фигурки. – Ты только посмотри, какая прелесть. У них короны. Вероятно, это король и королева.

Бригид наморщила нос.

– Они жутковатые.

Маргарет же вдруг заявила:

– Король и королева должны быть в центре! – Сообразив, что на доске, расчерченной на клетки, нет места в центре, она поставила одну фигурку в центре четырех клеток. – Вот так. Пусть королева стоит здесь, а король будет слева от нее. – Она ухмыльнулась и добавила: – А эти мужчины на конях будут вокруг.

– Насколько я понимаю, – засмеялась Бригид, – королева – это ты? Она правит людьми, как ты в Гартланде?

– Ну... кто-то же должен этим заниматься, – заметила Маргарет, пожав плечами. – Мой отец и братья постоянно отсутствуют, остаюсь только я. На мне все хозяйственные мелочи.

Девушки посмотрели друг на друга и рассмеялись. Они обе знали, что Маргарет занимается не одними только хозяйственными мелочами, но ее отец делал вид, что не заме-

чает этого.

Бригид взяла несколько фигурок, чтобы лучше рассмотреть, а потом лежавшую рядом маленькую плоскую досочку, которую Маргарет не заметила. На ней было что-то написано.

– Как ты думаешь, что это? – спросила Бригид.

Маргарет посмотрела на буквы и пожалала плечами. Как и подруга, она понятия не имела, что все это значило.

Не зная, как играть в мудреную игру, девушки весело хихикали, переставляя по доске фигурки как им заблагорассудится.

– Ты слышишь? – внезапно насторожилась Бригид. – Кажется, сюда кто-то идет. – Она испуганно ахнула. – Может быть, уже настало время обеда? Но мы же не готовы!

– Уверена, что у нас еще много времени, – ответила Маргарет.

Она на мгновение замерла, потом, обернувшись, увидела группу мужчин. Их было не менее полудюжины, но все они следовали за одним человеком. А тот, одетый с вызывающей роскошью, держался словно король.

Ему было лет на десять больше, чем Маргарет, которой недавно исполнилось восемнадцать. На нем был богато расшитый темно-зеленый бархатный плащ, отделанный мехом и застегнутый массивной серебряной брошью, инкрустированной драгоценными камнями. Он был довольно высок – больше шести футов, – имел крепкое телосложение, темные

волосы и аккуратно подстриженную короткую темную бородку.

– Твои подруги, Каррик? – спросил один из мужчин, приподняв бровь, и с явным интересом взглянул на Маргарет. – Не то развлечение, которого я ждал, но я не жалею.

Маргарет сначала не поняла, что мужчина имел в виду. Она была слишком удивлена, услышав имя молодого аристократа. Значит, это и есть печально известный граф Каррик и лорд Аннандейл Роберт Брюс? Она раньше слышала, как его описывал отец, и ожидала увидеть змеиный язык и рога, а вовсе не красивого молодого человека, одним своим видом внушавшего уважение.

«Развлечение»? Она прищурилась, рассматривая говорившего. Этот мужчина была старше графа, низкорослый и совсем не такой красивый, но в нем чувствовалась грубая сила. Глаза же его неотрывно смотрели на ее грудь. Но не думал же он...

Ох, похоже, думал. Этот мужчина посчитал их непристойными девицами. Маргарет едва не рассмеялась. Она непременно расскажет об этом происшествии брату Дункану, и тогда... Дункан часто повторял, что она дерзкая, как французская блудница.

Каррик окинул своего спутника строгим взглядом и снова повернулся к девушкам.

– Вы заблудились? Отстали от своих? Вы сопровождаете одну из дам?

Было очевидно, что молодой граф тоже удивился, встретив их в этой комнате. Если Маргарет не ошиблась, он решил, что они входили в свиту одной из высокопоставленных дам, и это оскорбило ее значительно больше, чем предположение, что она является девицей для развлечений. Ведь клан Макдауэллов был старейшим в Шотландии! Он правил этой страной – по крайней мере, ее южной частью – еще до того, как норманнские лорды переправились через Канал и вторглись в Англию.

Но она была вынуждена признать: Бригид оказалась права, когда беспокоилась об их платьях.

Маргарет гордо выпрямилась, вскинула подбородок и с вызовом встретила взгляд молодого графа.

– Мы не заблудились, милорд, и ни от кого не отстали. Мы всего лишь решили до обеда осмотреть замок. Мы только что приехали вместе с моим отцом.

Граф взглянул на нее с явным удивлением.

– И кто же твой отец, девушка?

– Дугалд Макдауэлл, глава клана Макдауэллов из Галлоуэя, – с гордостью проговорила Мэгги; она уже точно знала, какую реакцию вызовут ее слова.

И ей не пришлось разочаровываться. Мужчины выразительно переглянулись и нахмурились. Граф же поклонился и сказал:

– Мое почтение, леди Маргарет.

– Вы меня знаете? – с удивлением пробормотала Мэгги.

Уголки его рта дрогнули – словно он прятал улыбку.

– Полагаю, мало кто не слышал о Прелестнице из Галлоуэя.

Маргарет нахмурилась. Интересно, на что он намекал? Почему-то ее не покидала уверенность, что речь шла не только о ее красоте.

Мужчина, принявший ее за распутницу, снова заговорил:

– Что за черт, Каррик? Ты только посмотри на это!

Когда он указал на стоявшие на доске фигурки и все мужчины – абсолютно все! – стали ругаться, Маргарет заподозрила, что Бригид была права не только относительно платьев.

Она прикусила губу. Вероятно, фигурки все же не стоило трогать.

* * *

Наконец-то! Теперь Йен точно знал, как должен поступить, чтобы выиграть.

Он редко улыбался, но сейчас, шагая по двору и направляясь в Большой зал Стерлинга, не скрывал торжествующей улыбки.

Два дня шла битва умов с Робертом Брюсом, молодым графом Карриком, за шахматной доской, но решение пришло к Йену только этой ночью, и теперь он не сомневался в победе.

И эта победа еще на шаг приблизит его к настоящей награде.

Он все еще не мог поверить своему счастью. Его прославленный родственник – их матери, его и Брюса, были сводными сестрами – рассматривал кандидатуру Йена для своей тайной гвардии, которую он формировал на случай, если заявит о своих претензиях на трон.

Быть избранным самим Брюсом – честь для любого воина, не говоря уже о двадцатичетырехлетнем юноше, третьем сыне шотландского лэрда. Отец Йена, Гиллемор Маклин, глава клана Маклинов, не уставал повторять это, всякий раз раздуваясь от гордости.

Но Йен был вовсе не поэтому так взволнован перспективой. Он еще не знал всех подробностей, но те, что успел узнать, манили его, как ребенка лакомство. Тайная гвардия, специализировавшаяся на разведке, стратегии и других самых опасных миссиях! Для человека, который жил и дышал войной с тех пор, как ему исполнилось семь лет, принять участие в войне против злейшего врага – это исполнение самой заветной мечты. А то, что он, Йен, будет сражаться бок о бок с самыми опытными воинами, собранными со всей Шотландии... О, это как сахарная глазурь на пироге.

И он был исполнен решимости получить место в тайной гвардии в качестве тактика, выиграв у своего знаменитого родственника партию в шахматы. Брюс был известным мастером этой игры, и тот факт, что игра была новой для Йена,

а Брюс оттачивал свое мастерство много лет, его, Йена, несколько не тревожил. На поле боя он всегда продумывал свои действия на несколько шагов вперед. И теперь он ознакомился с правилами игры, и шахматная доска стала для него полем сражения. Все перемещения фигур он видел на несколько ходов вперед. Вот только другая война, настоящая, велась без всяких правил...

При этой мысли он невольно улыбнулся.

– Ад и проклятье! Йен, не беги! – Его молочный брат Финлей Макфиннон с трудом поспевал за ним. – Я не видел улыбки на твоём лице с тех самых пор, как Макдоналд свалился в выгребную яму.

Улыбка Йена стала еще шире. Он вспомнил, как когда-то вместе с братьями подпилил доски сиденья над выгребной ямой и тиран, Ангус Ог Макдоналд, которому доверили тренировку мальчиков и который превратил их жизнь в ад, свалился в зловонную жижу. Он наслаждался этим зрелищем: Йен Макдоналд, с головы до ног покрытый дерьмом! Но еще приятнее было то, что негодяй так никогда и не узнал, кому обязан столь отвратительным купанием.

– Чему ты радуешься?

Йен помотал головой.

– Ничему. Погода хорошая. – К сожалению, он никому не мог рассказать о группе, которую собирал Брюс, даже самому близкому другу. Тайна есть тайна. Он покосился на Фина: красные глаза, всклокоченные волосы, одежда в беспорядке.

рядке, – а принявшись, уловил тяжелый запах спиртного и поморщился. – Длинная ночь?

Фин самодовольно ухмыльнулся:

– Можно и так сказать. И еще более долгое утро. Здесь очень даже приветливые девушки. Впрочем, тебя едва ли это интересует.

Йен снова ухмыльнулся. Он любил девушек ничуть не меньше, чем его молочный брат: когда у него было время на них, – но сейчас он занят другим делом.

– Ты, вероятно, бережешь себя для невесты?

– Проклятье, Фин! Она вовсе не моя невеста.

– Пока нет, но, насколько мне известно, твой отец думает об этом.

Йен промолчал. Что правда, то правда. Его отец делал все возможное, чтобы добиться помолвки между ним и леди Барбарой Кейт.

– Ты удачливый ублюдок, Йен, – вздохнул Фин. – Я бы многое отдал, чтобы заполучить в жены дочь великого маршала Шотландии. Учитывая твой боевой опыт и брак с дочерью этого человека... Ты наверняка займешь фантастическое положение, если война снова начнется.

Не если, а когда война начнется, подумал Йен. Ведь несмотря на намерения Эдуарда Английского, шотландский «бунт» не закончился жестоким убийством Уильяма Уоллеса несколько недель назад, а заново разгорелся.

Поэтому они здесь. Все великие лорды Шотландии собра-

лись в Стерлинге, чтобы вместе решить, чем ответить на последнее деяние Эдуарда.

Но вероятность того, что Брюс и Комин (который представлял здесь своего ссыльного дядю короля Иоанна Баллиола) смогут о чем-нибудь договориться, была такая же, как если бы мамлюкский султан и римский папа договорились разделить Иерусалим. Йен знал, что речь шла о временных союзниках, которые собирали потенциальных сторонников – на случай если начнется очередная борьба за власть. А она начнется, в этом можно было не сомневаться. Слишком сильна была ненависть между двумя ветвями потомков Фергуса, и они едва ли смогли бы помириться.

Маклины находились в трудном положении. Отец Йена намеревался сражаться на стороне Брюса, но одновременно пытался избежать серьезных неприятностей со стороны Макдугаллов и потому делал вид, что колеблется.

– Леди Барбара весьма приятная дама, – сказал он. – Любой мужчина был бы рад заполучить ее в жены.

Йен произнес эти слова машинально, почти не задумываясь о том, что они означали, но сказал чистейшую правду. Барбара Кейт была прелестна, скромна, застенчива и обладала прекрасными манерами – настоящая леди. В ней было все, чем принято восхищаться в женщине, как и в его, Йена, матери. Если бы не Ригнах, дочь прежнего лорда Каррика, его отец не смог бы стать одним из самых уважаемых шотландских вождей. Его отец нередко шутил, что без нее

они остались бы такими же дикими и невежественными, как варвары Макдауэллы, которые, вероятно, до сих пор жили в длинных домах вместе со своими животными и поклонялись языческим богам.

Йен имел несчастье однажды встретиться с Дугалдом Макдауэллом, поэтому не сомневался в этом. Дугалд мог бы превзойти древнего викинга в жестокости и варварстве.

– Да, уверен, она станет тебе прекрасной женой, – сухо заметил Фин.

Йен нахмурился.

– Что ты имеешь в виду?

Фин пожал плечами.

– Ты не хочешь, чтобы тебя беспокоили, и она не станет это делать. Но тебе бы лучше надеть теплый плащ, когда ляжешь с ней в постель.

Эти слова рассердили Йена. Он привык к фривольным разговорам друга о женщинах, с которыми тот спал или хотел переспать, но рассуждать подобным образом о его будущей жене все же не стоило.

Впрочем, Фин прав: леди Барбара была... пожалуй, немного холодновата.

– Не обижайся, – сказал Фин. – Я ничего плохого не имел в виду. Нельзя получить все и сразу. Именно поэтому у многих мужчин есть любовницы. Жена – для денег, положения, союзов и наследников, а хорошенькая любовница – для удовольствия в постели.

Йен поморщился.

– Проклятье, Фин! Ты можешь говорить о чем-нибудь другом?

Фин расхохотался.

– Ты, мой друг, ханжа и святоша, словно монахиня в гареме. Если бы ты хотя бы иногда позволял себе расслабиться и посидеть у костра с нами, вместо того чтобы горбиться над картами, то знал бы, что большинство мужчин говорят именно об этом.

Йен вздохнул. И вовсе он не ханжа. Просто сосредоточен на достижении цели.

– Я расслаблюсь, когда война закончится.

Фин громко фыркнул.

– Сомневаюсь. Ты способен думать только о сражениях. Когда закончится война, ты станешь планировать новую.

Приятель оказался прав, но Йену не хотелось это признавать. Ему не пришлось отвечать, потому что в этот момент друзья вошли в солар, где они с Брюсом должны были доиграть партию, и тотчас увидели людей, собравшихся вокруг... чего-то.

– Что там? – спросил Фин.

Йен пожал плечами.

– Сейчас узнаем.

Они сделали несколько шагов. Нейл Кэмпбелл, один из ближайших друзей Брюса и его главный советник, что-то сказал графу и кивнул в их сторону. Брюс обернулся. На

его лице застыло странное выражение. Создавалось впечатление, что он хотел к чему-то подготовить Йена.

– Кузен, боюсь...

То ли выражение лица Брюса, то ли тот факт, что он назвал его кузеном, чего обычно не делал, но что-то заставило Йена повернуть голову налево, в сторону стола с шахматной доской и недоигранной партией. Впрочем, недоигранной партии на доске уже не было.

Брюс что-то говорил, но Йен его уже не слышал. Он в ярости уставился на уничтоженную игру. Фигурки были передвинуты. Он прищурился. Нет, не просто передвинуты. Они были намеренно расположены в виде сердца. Йен окинул взглядом собравшихся.

– Черт возьми, кто это сделал? Если это чья-то глупая шутка...

Он убьет шутника. Обязательно убьет. Два дня пропали без пользы. А ведь был в двух шагах от победы! Он мысленно представил себе отложенную партию, стараясь вспомнить, где стояли фигуры.

– Это произошло случайно, – примирительно сказал Брюс.

– Случайно? – взвился Йен и ткнул пальцем в дощечку с надписью «Не трогать!» – Неужели идиот, который это сделал, не прочитал мое предостережение?

В комнате повисло неловкое молчание. Только теперь Йен краем глаза заметил, что рядом с Брюсом стоит... кто-то чу-

жой. Он перевел на него взгляд – и получил второй за это утро удар, намного более сокрушительный, чем первый. Ему показалось, что его огрели по голове боевым топором. Ошеломленный и лишившийся дара речи, Йен уставился на самое прелестнейшее создание.

Девушка улыбнулась ему, и у него появилось ощущение, что, кроме удара топором, он дополнительно получил еще и удар копьем – прямо в сердце.

– Боюсь, что идиот – это я, – сказала девушка. – К несчастью, я не видела вашего предупреждения, а когда заметила, было уже слишком поздно.

Ад и проклятье! Теперь понятно, почему в комнате ощущалась неловкость, хоть девушка и приняла его оскорбительные слова с удивительным юмором. Большинство девиц были бы в такой ситуации возмущены и оскорблены, либо смущены. Но смущение испытывал он, Йен, даже залился краской.

– Прошу прощения за оскорбительные слова, – пробормотал он.

Девушка беззаботно отмахнулась, издав смешок, заставивший его испытать сильнейшую тяжесть в паху.

– Мои братья обращаются со мной куда хуже. Я привыкла. Понимаете, я никогда не видела этой игры раньше, поэтому не знала, что она так важна.

Уловив в словах девушки насмешку, Йен нахмурился, а его кузен, как всегда галантный, проговорил:

– Я как раз объяснял леди Маргарет, что ничего особенного не произошло.

Йен понадеялся, что его глаза не стали круглыми как блюдца при слове «леди». Судя по ее внешнему виду... Он предположил совсем другой статус этой девицы.

Ничто не указывало в ней на леди. Ее платье было довольно простым, имело низкий вырез и так сильно обтягивало грудь, что позавидовала бы служанка в таверне.

Ее красота не была спокойной и сдержанной, как пристало настоящей леди, а казалась дерзкой и вызывающей, слишком дерзкой и слишком вызывающей. В этой девушке все было в избытке. Она буквально притягивала к себе мужские взгляды. Ее губы были слишком красными, рот – слишком широким, глаза в обрамлении золотистых ресниц – слишком яркими. Грудь же казалась слишком большими, хотя едва ли это можно было считать недостатком, а рыжие волосы девушки не были скромно заплетены в косы и убраны под вуаль, а шелковистыми волнами ниспадали на плечи и спину. Такая прическа была бы уместна для спальни, но ни в коем случае не для королевского солара в замке.

Да-да, едва увидев эту красотку, Йен подумал именно о спальне.

Но самым неприличным, несвойственным истинной леди, был ее взгляд. В нем не было ни сдержанности, ни скромности – одна только дерзость. В комнате, полной важных мужчин, она явно чувствовала себя вполне комфортно. Это сби-

вало с толку.

– Леди Маргарет – дочь Дугалда Макдауэлла, – объяснил Брюс.

Прелестница из Галлоуэя? О, тогда все понятно. Йен слышал об этой девушке, которая слыла такой же неуправляемой дикаркой, как и все остальные представители ее клана. Несмотря на юность, она твердой рукой управляла землями отца в его отсутствие. Еще говорили, что она придерживалась весьма свободных нравов и часто меняла любовников.

Сообразив, что он уже довольно долго молчит, словно истукан, Йен поклонился и пробормотал:

– Рад знакомству, леди Маргарет.

– А это тот молодой человек, о котором я вам говорил, миледи, – добавил Брюс.

Девушка улыбнулась Брюсу и тут же снова посмотрела на Йена.

– Полагаю, игра была несколько серьезнее, чем вы сказали мне, милорд Каррик, – заметила она.

Йен почувствовал, что снова краснеет, а Брюс рассмеялся и проговорил:

– Для моего юного кузена здесь все очень серьезно. Не обращайтесь на него внимания. Кроме того, ему следовало бы поблагодарить вас.

Маргарет наконец отвела взгляд своих кошачьих глаз от Йена и повернулась к Брюсу.

– Поблагодарить меня? За что?

– Вы спасли его от поражения. Я его разбил, хотя он этого еще не понял.

Леди Маргарет рассмеялась и снова посмотрела на Йена. Он почувствовал ее взгляд каждым нервом, каждой клеточкой своего тела.

– Это так? – Если он когда-нибудь и слышал более чувственный женский голос, то не мог вспомнить, когда именно. – Вы с этим согласны, милорд?

Маргарет понятия не имела, что думать о юном воине, стоявшем перед ней. Самой себе она призналась, что слегка испугалась, когда он ворвался в комнату и с безумным видом бросился к столу, в то время как остальные мужчины наперебой заверяли ее в том, что она вполне могла передвинуть фигурки на доске, ничего страшного не произошло. Она не знала, что на нее подействовало: его ярость или красивое лицо, – но что-то заставило ее сердечко забиться немного чаще. Ну ладно, намного чаще.

Юноша был одет, как и другие мужчины в комнате, в красивый бархатный плащ, но выглядел в нем так же, как если бы был облачен в кольчугу с большим мечом в руках. Все в этом человеке выдавало воина. И дело было не в его размерах, хотя они весьма впечатляли: он был выше и мощнее, чем граф Каррик, и от него, казалось, волнами исходила сила. Он даже двигался энергичными шагами человека, готового к сражению. Имея восьмерых братьев-воинов и отца,

проводившего большую часть времени на полях сражений, Маргарет хорошо изучила таких людей.

Мужчины – даже разгневанные – обычно ее не пугали. Обычно. Но сейчас, увидев, как напряглись мускулы этого юноши и вспыхнули яростью пронзительные синие глаза, Магарет почувствовала беспокойство.

Пристально глядя на него, она поняла, что беспокойство могло быть вызвано не страхом, а чем-то иным. У него были чудесные шелковистые волосы цвета меда со множеством выбеленных солнцем прядей, напоминавших о белокурых волосиках ребенка. Они в беспорядке падали на чисто выбритые щеки. И почему-то из-за постоянно нахмуренного лба казалось, что этот человек все время о чем-то напряженно думает. Лицо же его было словно высеченным из гранита.

Красавчик, однако. Маргарет всегда считала Тристана, брата Бригид, самым красивым мужчиной из своего окружения. Но при виде его ее сердце никогда не начинало биться чаще, даже когда Тристану удавалось поцеловать ее, что, признаться, случалось не единожды. В его присутствии ее никогда не бросало в жар. А этот человек вызывал у нее не только сердцебиение, но и жар во всем теле.

Молодой воин заговорил, тщательно подбирая слова. Он явно не согласился с хвастливым заявлением графа, но не стал ему возражать.

– Да, возможно, – сказал он. – Игра была почти окончена. Боже правый, ну что за голос! Глубокий, чувственный,

звучный. Он как будто проник ей под кожу и, кажется, добрался до костей.

Брюс расхохотался и похлопал юношу по спине.

– Очень вежливый ответ, кузен. Но подозреваю, ты отлично знаешь, что я попал в ловушку. Бьюсь об заклад, ты уже мысленно восстановил позицию всех фигур на доске.

Юный воин – Брюс сказал, что зовут его Йен Маклин, – молча пожал плечами.

Брюс снова засмеялся.

– Знаете, что самое ужасное, миледи? – спросил он. – Я играю в шахматы с детства, а Маклин только здесь узнал правила игры. И все же он один из лучших игроков, с которыми мне довелось сражаться.

– Я бы тоже хотела узнать, как играть в эту... «Игру королей», – сказала она невинным тоном, но дерзкий огонек в ее глазах явно указывал на то, что она все понимала. – Кажется, так вы ее называли?

Ну да. Он говорил об «Игре королей», а сам и есть король. Почти король.

Граф Каррик был смел и дерзок, и слухи о нем не были преувеличениями. Маргарет он нравился. Но она, разумеется, в этом никому не признается, тем более – отцу, который скорее умрет, чем увидит Брюса на троне.

Брюс весело улыбнулся, а она, повернувшись к Маклину, спросила:

– Может, вы меня когда-нибудь научите?..

Откровенное удивление в его невероятных синих глазах, а также молчание в комнате, навели Маргарет на мысль, что она снова допустила ошибку.

Черт побери, сейчас-то что не так? Она и нескольких часов не провела в этом замке, но уже успела показать себя не с лучшей стороны.

Ничего, она обязательно обретет почву под ногами. Уж в чем в чем, а в этом Маргарет никогда не сомневалась.

Глава 3

– На нас все смотрят, – прошептала Бригид, когда они несколько часов спустя вошли в зал.

Маргарет тоже это заметила. В доселе шумном зале воцарилось молчание, и она почувствовала на себе любопытные взгляды, но, в отличие от подруги, ее это не смутило. Она привыкла принимать гостей в Гартланде, где была полноправной хозяйкой, и ей даже нравилось всеобщее внимание. Развлекать гостей и развлекаться самой – часть ее обязанностей как хозяйки замка. Она всегда старалась, чтобы гости чувствовали себя как можно лучше, и ей это удавалось.

К сожалению, то же самое нельзя было сказать о ее подруге. Бригид была застенчива и скованна. «Ну и зря», – весело подумала Маргарет.

После начальной паузы разговоры в зале возобновились, и Маргарет могла отвечать подруге, не понижая голос. Они шли по залу в поисках ее отца и двух старших братьев, Дугалда и Дункана. Учитывая знатность клана Маклинов, Маргарет не сомневалась, что их места окажутся во главе стола, недалеко от возвышения, где сидел хозяин дома.

Она взяла подругу за руку, привлекла к себе и с улыбкой проговорила:

– Разумеется, они на нас смотрят. Но разве это не чудесно? Мы определенно произвели впечатление. Поверь, Бриг,

мы отлично проведем здесь время.

Бригид, однако, не разделяла энтузиазма Маргарет. Она неловко чувствовала себя в центре внимания и всегда старалась этого избежать.

Маргарет ободряюще пожала руку подруги.

– Не волнуйся, Бриг, улыбайся! Тебе не о чем беспокоиться. Мы здесь новенькие. Естественно, на нас все смотрят.

Похоже, Бригид ей не поверила.

– Думаю, нам стоило надеть вуали, как советовала Бет.

Служанка, которую назначили им в помощь, была шокирована, когда Маргарет заявила, что наденет на голову только ободок, но Маргарет не обратила на это внимания. Она носила вуаль только в церковь – даже там ей не нравился этот предмет туалета. Однако же, украдкой осмотревшись, она поняла Бригид. Они оказались единственными женщинами в комнате с непокрытыми головами.

– Тогда мы бы слились со всеми остальными, – ухмыльнулась Маргарет. – А так будем выделяться.

– Полагаю, мы и без того выделяемся нашими платьями, – мрачно буркнула Бригид.

Маргарет была вынуждена признать, что изысканность платьев собравшихся здесь дам превысила ее ожидания. Она еще никогда не видела такого разнообразия изысканных тканей и роскошных украшений. Но ведь это всего лишь платье...

– Ты выглядишь восхитительно, Бриг. Ты можешь одеться

в рубище, но все равно затмишь всех жеманниц в этой комнате. Можно носить бархат и драгоценности, а можно – шерстяную юбку и шотландку, главное – то, что под ними. – Бригид покосилась на подругу, словно недоумевая, где она набралась столь странных идей. – У тебя будет много поклонников. Тебе уже кто-нибудь понравился?

Когда отец рассказал Маргарет о своих планах отвезти ее в Стерлинг, чтобы заключить союз с Джоном Комином, она решила взять с собой Бригид. Видит бог, там, где они жили, совершенно не было мужчин, которых можно было рассматривать в качестве кандидатов в мужья. Кроме братьев Маргарет, конечно. Но они – не в счет. Эта поездка стала хорошей возможностью найти кого-нибудь для Бригид, и Маргарет не желала ее упускать.

Подруга густо покраснела и, опустив глаза, пробормотала:

– Мы же только что приехали, Мэгги.

– Тем не менее мы уже видели вполне симпатичных молодых людей. – Образ высокого воина со светлыми волосами снова возник перед мысленным взором Маргарет, но она поспешно отогнала его. Он, конечно, привлек ее внимание, однако она не должна им интересоваться. – Надеюсь только, ты не остановила свой выбор на графе Каррике. Ведь он уже женат.

Бригид коротко хохотнула. Именно на такую реакцию Маргарет рассчитывала.

– Ты невозможна, Мэгги. Представляешь, что сказали бы

папа и Тристан?

Семья Бригид была так же стойко предана королю Иоанну Баллиолу, как и семья Маргарет. Это означало лишь одно: никто из молодых людей, которых они сегодня встретили, не мог рассматриваться в качестве потенциального поклонника – ведь все они были с Брюсом.

– Я точно знаю, что сказал бы мой отец: «Ты спятила, девочка? Я скорее выдам тебя замуж за самого Люцифера!» – Маргарет прекрасно подражала голосу и интонациям своего отца.

Они приблизились к возвышению, и девушка убедилась в своей правоте. Ее семейство сидело во главе стола рядом с возвышением – по левую сторону.

Подруги все еще весело смеялись, когда мужчины встали, чтобы их поприветствовать. Дугалд, старший брат Маргарет, хмуро поинтересовался, что их так развеселило. Бригид снова покраснела и отвела глаза, а Маргарет, зная, что Дугалд начисто лишен чувства юмора, поспешно сообщила, что все в порядке. Она понимала, что ее семейство и так скоро узнает об их встрече с Брюсом и его свитой.

И только сейчас она заметила молодого человека, стоявшего рядом с ее отцом. Светловолосый и белокожий, он таранился на нее с изумлением, и было очевидно, что он ошеломлен. Юноша был немного выше ее отца, который не дотягивал нескольких дюймов до шести футов, и казался тонким как тростинка. Длиннорукий и длинноногий, он чем-то

походил на жеребенка и на год-другой моложе ее – судя по отсутствию щетины на подбородке.

Маргарет поняла, кто перед ней, еще до того, как отец представил их друг другу. Джон Комин, сын и наследник лорда Баденоха, человек, за которого отец хотел выдать ее замуж. Она, конечно, знала, что он молод, но чтобы настолько...

Она постаралась скрыть разочарование. Что ж, пусть он выглядит ровесником ее шестнадцатилетнего брата – ну и что? Он довольно привлекателен, а главное, является сыном одного из самых значительных шотландских лордов. Маргарет села на предназначенное ей место: между своим отцом и юношей, потенциальным женихом, – и какое-то время беседовала с ним, пытаясь его успокоить.

Он был очень робок и застенчив, но Маргарет умела общаться с самыми разными людьми. Первым делом она спросила его о семье. У него было две сестры, Элизабет и Джоан, и обе жили здесь – в замке. Сам он служил оруженосцем у своего двоюродного деда короля Иоанна Баллиола, потом был выслан во Францию, а теперь жил с отцом в замке Далсвинтон. Маргарет выяснила, что юноша, как и она, любил лошадей, а после того как он описал свою обожаемую испанскую лошадь, которую получил в подарок на восемнадцатилетие (при этом Маргарет пришлось скрыть изумление), их беседа уже потекла легко и свободно.

Когда же подали второе блюдо – жареную дичь, – Мар-

гарет ощутила на себе пристальный взгляд. За столом, стоявшим напротив их стола – тоже рядом с возвышением, но справа, – сидел Йен Маклин и в упор смотрел на нее.

Девушка вздрогнула. По спине побежали мурашки. И стало жарко.

Далеко не в первый раз Маргарет ловила на себе пристальные взгляды мужчин, но сейчас впервые покраснела.

Причем это не было смущение из-за того, что произошло раньше. В Гартланде не считалось неприличным, если женщина просила мужчину научить ее играть в какую-нибудь игру. В конце концов, она же не просила его научить ее плавать голой! Тем не менее мужчины в тот момент посмотрели на нее так, словно она потребовала именно это.

Ох, по-видимому, ей не следовало думать о наготе, глядя на Йена Маклина. Но она ничего не могла с собой поделать. Очень уж хотелось узнать, как выглядела его грудь, не прикрытая бархатом. У него такие широкие плечи... такие большие руки. Должно быть, он очень мускулист.

Маргарет еще сильнее покраснела. Вероятно, всему виной неприличные мысли. Но она несколько не робела, скорее – чувствовала уверенность и... возбуждение.

И если судить по пристальности его взгляда, то и он ощущал нечто подобное.

Между ними словно протянулись невидимые нити, возникла некая связь, оказавшаяся настолько прочной, что для общения им не требовались слова. Маргарет улыбнулась,

вскинула бровь и пожала плечами, желая сказать, что она тоже не понимает, что происходит.

К сожалению, она забыла, что они не одни в зале.

Йен заметил ее, как только она вошла в зал. И не только он один ее заметил. Ему показалось, что все без исключения затаили дыхание, когда на пороге зала появились две девушки. Конечно, в первую очередь взоры приковывала неприлично чувственная рыжеволосая красавица. Очаровательная блондинка рядом с ней казалась бесцветной и ничем не отличалась от остальных дам в зале. Но рыжеволосая...

Маргарет Макдауэлл не походила ни на одну из женщин. Она была словно полевой цветок в розовом саду, где казалась чужой. Причем отличала ее не шелковистая мягкость роскошных волос, которые свободно струились по спине, и не простенькое шерстяное платье с ярким шотландским пледом. Нет, это было нечто другое, природное, стихийное... Она казалась совершенно естественной и беззаботной в этом зале, где все дамы были скромны и благопристойно сдержанны.

Но неужели эта девушка не понимала, что оказалась в центре внимания? Или ей было наплевать? Как бы то ни было, она встретила всеобщее молчание, воцарившееся при ее появлении, не с опущенным взглядом и румянцем смущения, а с уверенной и дерзкой улыбкой пиратского капитана, только что захватившего судно, с улыбкой капитана, намеревав-

шегоя не брать пленных...

Но если судить по шепоткам в зале, то ей будет очень нелегко завоевать этих людей, по крайней мере – женскую половину общества. Слухи о том, что случилось ранее, уже просочились, и ее поведение явно не одобряли. Йену даже пришлось отбиваться от настойчивых расспросов его сестры Марджори. И даже его благопристойная мать, считавшая себя выше любых слухов, напряженно прислушивалась к его ответам.

Только он сразу дал понять, что говорить, в общем-то, не о чем. И, разумеется, он не собирается учить наглуую девчонку играть в шахматы. Конечно, Йен не мог не восхищаться дерзкой самоуверенностью леди Маргарет, да и ее яркая красота очень привлекала, но такая девица могла принести только неприятности. А неприятностей он категорически не желал, и не важно, как относились к этому решению отдельные части его тела.

В этом-то и заключалась странность... Его физическая реакция на девицу была на удивление примитивной – и совершенно неожиданной. А ведь он умел держать себя в руках. Йен нахмурился. Да-да, он всегда держал себя в руках. Ни одна из девушек, с которыми он раньше встречался, не заставляла его кровь кипеть под одним только ее взглядом... Смотря на нее, ему очень хотелось узнать, действительно ли она такая дерзкая проказница, какой выглядит.

Но даже не будь она дочерью человека, который в самом

ближайшем будущем станет его врагом – а одно только это являлось достаточной причиной, чтобы не смотреть в ее сторону, – все равно Маргарет Макдауэлл с этой ее улыбкой, обещавшей райское блаженство, не могла не стать источником бесконечных проблем. К тому же его, Йена, руки были всерьез и надолго заняты боевым топором...

Тем не менее, сидя за столом, он то и дело ловил себя на том, что откровенно таращится на нее. Боже мой, у нее невероятные волосы! И безупречная кожа, мягкая и прозрачная. А какие глаза... и губы...

Сначала Йен слегка удивился, увидев, что ее посадили рядом с юным Комином, но очень скоро стало ясно, в чем дело. Девушка из кожи вон лезла, чтобы расположить к себе неопытного юнца, явно чувствовавшего себя не в своей тарелке. Впрочем, его нельзя было за это винить. Йен был намного старше – ему уже исполнилось двадцать четыре, – и то испытывал возбуждение всякий раз, когда до него долетал ее чуть хрипловатый смех.

Но если ее варвар-отец надеялся, что лорд Баденоха, самый могущественный человек во всей Шотландии, свяжет своего наследника брачными узами с семейством Макдауэлл, то у него вообще нет мозгов. Баденох, возможно, уважал этот древний клан на поле боя, ценил его как союзника, но невесту для сына будет искать среди высшей знати Шотландии, а может – и в Англии.

Однако же... Если блаженное выражение на лице моло-

дого Комина что-то означало, юнец придерживался другого мнения. И, судя по гримасе на физиономии Баденоха, по-сматривавшего на сына с возвышения, он это тоже заметил.

Интересно, о чем они говорят? Девушка оживленно болтала, а ее смех... О боже!

Йен сообразил, что по-прежнему таращится на нее. Но тут их глаза встретились. Ему следовало отвернуться. Или ей. И уж точно она не должна была привлекать внимание к их молчаливому обмену взглядами таким интимным... слишком интимным жестом – пожиманием плеч.

Йен точно знал, что она имела в виду, потому что чувствовал то же самое, но другие могли понять неправильно. Очевидно, так и произошло.

– Она тебе подмигнула?

Йен оторвал наконец взгляд от леди Маргарет и повернулся к своей младшей сестре, глаза которой стали круглыми как блюдца.

– Нет, конечно же, нет, – пробормотал он.

– Я же видела! Она тебе подмигнула, – проговорила Марджори громким шепотом со смесью ужаса и веселья на лице. – Эта наглая девица флиртует с тобой через весь зал! А потом предложит тебе переспать с ней. Она действительно такая испорченная, как о ней говорят.

– Говори потише, Марджори. – Йен нахмурился. – Я же сказал: ничего не произошло.

Но было уже слишком поздно. Его мать, обладавшая

слишком острым слухом, услышала разговор сына с сестрой. Она окинула леди Маргарет откровенно неприязненным взглядом, а потом устремила суровой взор на сына. Он понял, что мать хотела ему сказать, понял без слов: «Будь осторожен. Ты можешь все испортить». Она указала глазами на леди Барбару, сидевшую за столом неподалеку, рядом с его отцом, который, слава богу, ничего не заметил.

Йен знал свое место, хорошо понимал свой долг, и ему не надо было повторять дважды. Он больше не смотрел на леди Маргарет. Впрочем, вокруг нее собралась такая толпа ухажеров, что он все равно не смог бы ее увидеть.

– На кого ты смотришь, дочка?

Застигнутая врасплох отцом, Маргарет была вынуждена объяснить, как познакомилась с Йеном. Ее рассказ о том, как она случайно прервала двухдневный шахматный поединок между графом Карриком и его юным родственником, заставил отца и братьев громко расхохотаться. Они не в силах были понять, как взрослые мужчины могли тратить время на детскую игру.

– Жаль, я не видел их физиономий, – сказал отец. – Это хороший урок для Брюса. Он должен понять, как легко потерпеть поражение от Макдауэлла.

Джон Комин, который играл в шахматы, но утверждал, что у него не хватает терпения на эту игру (Маргарет предположила, что он в ней не мастер), тоже хмыкнул, когда Мар-

гарет рассказала, как расставила фигуры в форме сердечка.

Затем отец позвал своих друзей – многих из них она не знала, – и девушка была вынуждена повторить свой рассказ. Потом она повторяла его еще несколько раз. В общем, она ничего не имела против. Маргарет привыкла развлекать гостей дома и занималась этим на новом месте с неменьшим успехом. Она обрела почву под ногами.

По крайней мере, с мужчинами она общалась легко.

Она чувствовала на себе неодобрительные взгляды женщин, но ей было все равно. На то, чтобы привлечь их на свою сторону, потребуется немного больше времени – вот и все.

Повторяя снова и снова свой рассказ, она намеренно пропускала ту часть, когда попросила Йена Маклина научить ее играть. А затем, пока слуги убирали столы, освобождая место для танцев, она расспросила отца об этом молодом человеке.

Третий сын лэрда, он был еще очень молод, но уже успел завоевать репутацию блестящего тактика, возглавив несколько дерзких налетов на англичан. Он получил образование и считался ученым, как монах. «Только бы образованность была единственной чертой, роднившей его с монахом», – промелькнуло у Маргарет.

Заметив грозный взгляд отца, девушка предположила, что ее мысли были написаны у нее на лице. Очевидно, что ее интерес к этому человеку очень ему не понравился. «Маклины – грозные воины, – сказал он, – но, похоже, они еще не

решили, будут ли воевать за Брюса, если начнется война».

Вероятно, ее взгляд стал слишком задумчивым, поскольку отец нахмурился. Пусть он не имел образования и не знал, как играть в шахматы, все же был человеком весьма проницательным. И теперь взгляды, которые отец то и дело бросал на Джона Комина, напомнили Маргарет, чего от нее ждали.

Но Маргарет знала свою роль и была готова ее сыграть. К тому же ей понравился этот юноша. Когда начались танцы, она с удовольствием отметила, что он хороший танцор, хотя и держался несколько скованно. Когда же ее пригласил на танец другой кавалер, он с явной неохотой отпустил ее, и Маргарет сочла это обстоятельство хорошим знаком.

Танцы и сладкое вино вскружили ей голову, и Маргарет не сразу заметила, что Бригид пытается привлечь ее внимание.

Она подошла к подруге, и та сразу схватила ее за руку и вытащила из зала в коридор.

– Что-то случилось? – удивилась Маргарет.

– Я их слышала, – сообщила Бригид, нервно заламывая руки.

– Кого?

– Их всех! – Ее голос дрогнул. – Дам.

Маргарет поджала губы. Она была невосприимчива к сплетням, но о Бригид нельзя было сказать того же. Что ж, если ее подругу обидели, нужно заставить их пожалеть об этом!

– Что они сказали?

– Они называли нас язычницами, – в ужасе пробормотала Бригид.

– И все? – Маргарет рассмеялась. – Это же смешно, Бриг. Ты не должна расстраиваться из-за таких мелочей.

Бригид вздохнула.

– Это еще не все. Они говорили... ужасные вещи.

Маргарет нахмурилась. «Ужасные вещи» наверняка касались ее, раз уж Бригид замолчала и прикусила губу.

– Говори, Бриг. Ты не заденешь мои чувства.

– Они говорили не столько о тебе, сколько о твоём клане. По их мнению, у Макдауэллов... не самая лучшая репутация.

Глаза Маргарет гневно сверкнули. Она была горда и выросла, считая Макдауэллов если не особами королевской крови, то уж точно лицами, приближенными к трону. Они правили в Галлоуэе как короли – и королевы! – не одну сотню лет.

– Что ты имеешь в виду?

– Они сказали, что Макдауэллы... далеки от цивилизации. Дикари.

– Потому что ведем себя не так, как англичане? – возмутилась Маргарет. – Потому что храним верность древним законам и традициям и не признаем ига английских королей?

– Они считают это отсталостью.

– Они считают нас отсталыми?

Бригид с деланным безразличием пожала плечами, но Мар-

гарет знала, что подруга оскорблена. Сама-то она могла с легкостью отмахнуться от подобных разговоров, но для Бригид все было стократ серьезнее.

– У них свои обычаи, а у нас свои, – сказала Маргарет. – И если мы что-то делаем не так, как они, то это не значит, что мы не правы.

– Я знаю. – Глаза Бригид наполнились слезами. – Просто мне не так легко игнорировать такие разговоры, как тебе.

Маргарет невесело ухмыльнулась.

– Мне тоже не всегда легко.

Бригид посмотрела на подругу с искренним удивлением.

– Разве? Но ты всегда выглядишь такой уверенной, никогда не склоняешь голову ни перед кем – даже перед отцом.

Маргарет всегда знала, что подруга робеет перед ее отцом, но сейчас в ее голосе звучал страх. Пожав плечами, она проговорила с едва заметной улыбкой:

– Но ведь я единственная женщина в семье из девяти мужчин, причем все они властные и самолюбивые. Как ты думаешь, смогла бы я выжить, если бы выказывала слабость? Я очень рано поняла, что должна самоутвердиться, иначе со мной все будет кончено. Поверь, поначалу мне пришлось очень громко орать, чтобы перекричать всех этих мужланов, но со временем я научилась говорить, не повышая голоса, и меня все равно слышали. – Маргарет сделала паузу и добавила: – Не позволяй себя запугивать. Такие, как эти женщины, если почувствуют запах крови, способны на убийство.

В переносном смысле, конечно. Главное – не показывать им, что их слова тебя задели.

Бригид взглянула на подругу с нескрываемой иронией.

– И как же, позволь спросить, я должна вести себя? Ведь я не ты: у меня совсем другой характер, вовсе не бунтарский...

Маргарет задумалась. Разве у нее бунтарский характер? Она никогда так не считала. Хотя... возможно, Бригид права. Ведь она Макдауэлл, а Макдауэллы всегда готовы вступить в бой.

– Очень просто, Бриг. Ты должна улыбаться им, даже в ответ на грубость, и каждую минуту помнить, кто ты такая. А ты – гордая женщина из древнего уважаемого клана. Ты же не стыдишься своей родни, не правда ли?

И тут впервые после приезда Бригид показала характер. Маргарет всегда знала, что он у подруги есть, просто она не любила его демонстрировать. Но теперь она, похоже, всерьез разозлилась. Горделиво выпрямившись, Бригид оглянулась по сторонам и заявила:

– Разумеется, не стыжусь!

Маргарет ухмыльнулась.

– Не надо этого выражения на лице, Бриг. И главное – улыбайся. Ты великолепна. У них нет ни одного шанса. А когда покажем, что они не смогут запугать нас слухами и сплетнями, мы добьем их нашим самым мощным оружием.

Тонкие черты Бригид озарились улыбкой.

– Каким еще оружием?

Маргарет взяла подругу под руку.

– Дружелюбием, конечно. Узнав нас получше, они поймут, что мы не так уж отличаемся от них. Возможно, мы одеваемся иначе, но внутри мы почти такие же.

Бригид весело засмеялась.

– О чем ты, Мэгги? Какие у тебя странные идеи. Интересно, где ты их набралась?

Маргарет не знала ответа на этот вопрос. Но ее уверенность убедила и успокоила Бригид. И поэтому, когда они вернулись в зал, та улыбалась широко, как ее подруга.

Глава 4

Неделей позже улыбка Маргарет чуть поблекла. Совершенно обескураженная, она с трудом следовала своим же советам. Видит бог, эти женщины осуждали их.

Она изо всех сил старалась улыбаться и проявлять как можно больше дружелюбия, но тщетно. Пожалуй, она добилась обратного результата. Неодобрительные взгляды превратились во враждебные, а шепотки звучали все громче.

Сначала – оплошность с шахматами. Потом ее приняли за служанку или блудницу. И она сама же усугубила ситуацию, попытавшись «соблазнить» Йена Маклина (попросила научить ее играть, а потом подмигнула ему за столом). Проклятье! Это не было подмигиванием, просто у нее дернулся глаз. А еще – их с Бригид платья и непокрытые волосы... Пожалуй, она не сумела улучшить отношение к своему клану.

Тем не менее Маргарет категорически отказывалась признать, что ее задевает столь откровенная неприязнь. В конце концов, ей нечего стыдиться, и она не станет притворяться кроткой и застенчивой ради кучки злобных фурий. Макдауэллы вовсе не тупоголовые неуправляемые дикари, которыми их пытаются здесь выставить. Пусть она привыкла к большей свободе, чем львиная доля женщин: все же выросла в доме, полном мужчин и расположенном довольно далеко от цивилизации, – это еще не делало ее дикаркой и блудницей.

Что же касается собравшихся здесь женщин... С монашками из монастыря и то намного приятнее общаться.

Неужели эти чопорные дамы не понимали, что вели себя нелепо?

Очевидно, не понимали.

Перед каждой трапезой ей приходилось долго уговаривать Бригид выйти из комнаты. Но была ли Маргарет одна или с подругой, многие из гостей все равно встречали ее с откровенной враждебностью, так что даже обычная для нее жизнерадостность начала покидать ее.

Но если она не произвела впечатления (во всяком случае, хорошего) на женскую половину гостей, то мужчины, к счастью, и не думали подвергать ее остракизму. У нее не было недостатка в партнерах для танцев, и молодые люди соперничали за право сидеть с ней за одним столом. Они смеялись над ее шутками, внимательно слушали ее рассказы и не осуждали, если она совершала какую-то оплошность. Да, она была не такой, как все, но мужчины явно не видели в этом ничего плохого.

По крайней мере, большинство мужчин относились к ней с явной симпатией. Правда, она сомневалась насчет лорда Баденоха. Отец заверил ее, что все в порядке и что ей удалось очаровать сына лорда. Но, увы, не отца. Маргарет чувствовала, что Баденох не одобряет ее – в точности так же, как его жена и дочери. Маргарет утешала себя: мол, ей это просто кажется, – но чем больше времени юный Джон проводил

рядом с ней, тем мрачнее взирал на нее его отец. Она была обязана произвести на него благоприятное впечатление. Это стало для нее вызовом, навязчивой идеей.

Бригид в очередной раз сослалась на головную боль и не вышла к полуденной трапезе. Убедившись, что подруга удобно устроена, Маргарет отправилась в зал одна, но не пройдя нескольких шагов до входа, остановилась, услышав голос, проникавший, казалось, прямо в душу. Хотя у входа толпились люди, Маргарет тотчас узнала этот голос и увидела темно-русую голову.

Что-то задрожало в груди, словно кто-то сжал ее сердце. А потом ее бросило в жар, который сразу сменился волной холода.

Но что же это с ней? В ее поведении не было никакого смысла. Ведь ей всегда нравились мужчины, которые много шутят и смеются – такие, как Тристан, – а не не улыбочивые ученые монахи. Тем не менее что-то в его спокойных серьезных манерах, в его пронизательных, все замечающих глазах манило ее. Йен Маклин был невероятно, неприлично привлекателен.

Боже мой, что же делать? Положение становилось с каждой минутой все хуже. Стоило ей только увидеть его – и ее тело как будто начинало жить собственной жизнью. Все чувства обострялись, воздух становился прозрачнее, звуки громче, а сердце или гулко колотилось, или замирало. Замирало... в ожидании?

Так ведь ждать-то нечего. И Маргарет старалась как-то отвлечься и не замечать этого мужчину и собственную реакцию на него. И он вел себя точно так же. Если их взгляды встречались, он тут же отводил глаза. Но ей не верилось, что он мог чувствовать то же самое.

Хоть его физиономия всегда и оставалась возмутительно непроницаемой, все же, когда он смотрел на нее, морщинки между его бровями становились чуть глубже, а глаза темнели. Так что вполне вероятно, что он тоже боролся с влечением.

Что ж, ее мотивы понятны. А как насчет его? И какое отношение он имел к леди Барбаре Кейт?

Маргарет почувствовала странное теснение в груди, заметив неподалеку эту прелестную светловолосую молодую женщину. Она частенько бывала в его компании, точнее – в компании его матери и сестры. На самом деле, рядом с Йеном всегда находился его молочный брат Финлей Макфиннон, а также его родные братья Дональд и Нейл. Тем не менее взгляды, которые светловолосая красавица то и дело бросала на молодого воина – впрочем, пристойные взгляды, из-под скромно опущенных ресниц, – намекали на некую близость между ними.

Почему ей это было настолько неприятно, Маргарет и сама не знала. Ведь между ней и этим человеком ничего не было и быть не могло.

Через некоторое время, воспользовавшись тем, что в две-

рях толпилось много людей, ожидавших, когда уберут столы и очистят место для танцев, Маргарет подошла чуть ближе к Йену – в надежде что-нибудь услышать.

Тот в этот момент разговаривал с Финлеем – вероятно, речь шла о былых сражениях, – но слов она не могла разобрать. А вот слова его сестры доносились до нее совершенно отчетливо:

– Ты видела ее платье? Оно уместно в доме пивовара, но не в этом замке.

Маргарет замерла. Она была оскорблена, хотя и не желала это показать. Она точно знала, о ком говорили. Опустив глаза, она осмотрела свое голубое шерстяное платье, которое считала прелестным. Хозяйка пивоварни? Злословие и сплетни не задевали Маргарет так сильно, как Бригид, но это вовсе не означало, что она могла совсем не обращать на них внимания.

– С ней все не так плохо, – заметила леди Барбсем. И тут же с язвительным смехом добавила: – Но если таковы «пышные наряды» знати в Галлоуэе, то что же там носят крестьяне. Может, одеваются в шкуры?

– Возможно, ей нравится выставлять свое тело напоказ всем, кто соглашается на нее смотреть, – сказала Марджори. – Надеюсь, мы не будем вынуждены смотреть на ее языческие пляски – как на празднике костров. Удивительно, что находятся мужчины, которые соглашаются с ней танцевать.

Маргарет решила, что услышала достаточно. Ее бросило

в жар, и больше не было сил улыбаться. Глупые сплетницы! У нее вполне приличное платье, и танцует она прекрасно. И сейчас она им все это скажет.

– Она снова на тебя смотрит, – прошептал Финлей.

Йен скрипнул зубами и увлек друга в сторону. Ему не надо было спрашивать, о ком он говорил. Фин и еще некоторые из его друзей уже давно заметили, что между ним и леди Маргарет что-то было, и стали дразнить его всякий раз, когда девушка смотрела на него, а это происходило чертовски часто!

Но поскольку сам Йен то и дело посматривал на нее, он ни в чем не мог ее винить. Его влечение к этой рыжухе оказалось чертовски неудобным, а Фин лишь добавлял напряженности.

– Заткнись, Фин. Тебя может услышать какая-нибудь из дам.

– Не понимаю, что тебя останавливает. Если бы она смотрела так на меня, я бы сделал все, что она хочет: довел бы в постели до бесчувствия. Это ж будет не впервые... для вас обоих. – Фин хитровато улыбнулся.

Йен не имел обыкновения терять самообладание, поэтому, когда у него от злости потемнело в глазах, а кулаки сами собой сжались, очень удивился. И Фин – тоже. Он инстинктивно отступил на несколько шагов и нахмурился.

– Что это с тобой, Маклин? Ты ведешь себя как ревнивый

поклонник. Ты же не можешь всерьез думать об уходе за этой девицей.

– Я ни о чем таком не думаю, – проговорил Йен. – Но мне не нравится, когда мужчины распространяют грязные сплетни о леди.

Что бы о ней ни говорили, Йен свято верил, что Маргарет Макдауэлл настоящая леди.

Злость, охватившая его, исчезла так же быстро, как возникла, и он даже смутился из-за столь необычного для себя проявления эмоций. Он ведь всегда был спокоен и невозмутим, не так ли? Должно быть, все дело во внезапном помутнении рассудка. От скуки. Он не привык участвовать в долгих напряженных переговорах, имевших целью не дать Брюсу и Джону Комину убить друг друга. А после переговоров ему приходилось увиваться вокруг леди Барбары и выслушивать болтовню сестры. От такого кто угодно спятит.

– Полагаю, мне необходима охота куда больше, чем я думал, – пробормотал он. – Кажется, здешние стены давят на меня.

Фин некоторое время напряженно всматривался в лицо друга, но, в конце концов, принял его объяснение и, облегченно вздохнув, похлопал по спине.

– Знаешь, мне намного больше нравится, когда ты рассуждаешь о засадах и об обходе противника с фланга.

Губы Йена дрогнули в усмешке. Фин прав: ему не следовало думать о женщинах, – тем более что завтра у него будет

шанс произвести впечатление на Брюса. На охоте он сможет себя проявить.

Он повернулся к дамам и сразу же услышал ехидное замечание сестры о леди Маргарет.

Губы Йена сжались. Прежние язвительные комментарии, которые он прощал сестре, считая, что она еще маленькая и не ведает, что говорит, теперь звучали грубо и злобно. Сестренке придется научиться держать язык за зубами.

К сожалению, резкие высказывания Марджори о Маргарет были не единственными, которые он слышал за последнюю неделю. Он чувствовал себя виноватым, поскольку одним только своим существованием невольно подливал масла в огонь. О ней злословили все, кому ни лень. Правда, сплетни эти, судя по всему, совершенно ее не беспокоили, и Йен не мог не восхищаться выдержкой и самообладанием леди Маргарет. Эта хрупкая девушка невозмутимо отвечала улыбкой на грубость. Его сестра уже закатила бы истерику, если бы о ней говорили хотя бы наполовину так же плохо, как о леди Маргарет.

Он как раз собирался сделать сестре выговор, когда вдруг увидел, что леди, занимавшая его мысли, направляется к ним. Густой румянец на ее щеках и яркий блеск в глазах не оставляли сомнений в том, что Маргарет, услышав слова его сестры, на этот раз была полна решимости дать отпор.

Но кого он хотел защитить: свою сестру или леди Маргарет, – Йен и сам не знал. Инстинктивно шагнув к рыжале,

он сказал:

– Не окажете ли вы мне честь, подарив первый танец?

Он услышал, как за его спиной изумленно ахнула Марджори. Сестра знала, что он терпеть не мог танцы и всячески стремился их избегать.

Леди Маргарет несколько мгновений пристально смотрела на него, и казалось, ее золотистые глаза вот-вот прожгут в нем дыру. Йен решил, что она откажет ему: похоже, именно сейчас она была настроена объяснить его сестре, что о ней думала, – но это никому не пошло бы на пользу, и леди Маргарет в том числе. По-видимому, она тоже это поняла, поэтому наконец-то утвердительно кивнула.

Что ж, надо будет попозже кое-что объяснить сестре. Йен не сомневался, что он избавил ее от беседы, которую она забыла бы не скоро.

В тот самый миг, когда нежная рука леди Маргарет прикоснулась к его руке, Йен понял, что совершил ошибку. Пусть лучше бы его безголовая сестрица получила публичную словесную порку. А он вместо этого открыл ящик Пандоры!

Ему показалось, что в него ударила молния – гипнотическая молния, – привлекла их друг к другу и связала воедино.

В груди что-то защемило, легкие отказались дышать, а сердце, наоборот, заколотилось втрое быстрее. Йен лишился способности соображать, оказавшись всецело под властью женских чар. Он забыл, что танцует, равно как и то, что тер-

петь не мог танцы. Он не слышал музыки и не понимал, что вокруг люди. Ведя партнершу в танце, он не мог отвести глаз от ее лица. Нежная щечка, слегка вздернутый носик. И необыкновенно чувственные губы.

Проклятье! Она так красива, что на нее больно смотреть. И Йен действительно чувствовал боль: во-первых – в груди, во-вторых – в другой части тела, которая налилась жаром и стала твердой как камень. Этой части тела явно было наплевать на то, что они находятся в зале, переполненном людьми.

Йен двигался словно околдованный. Он был как во сне, в тревожном горячечном сне, в котором чувствовал могучее притяжение, заставлявшее его кровь вскипеть.

Их тела двигались в едином ритме, и не было необходимости в словах. Они говорили взглядами, прикосновениями, каждым ударом сердец.

Так продолжалось до тех пор, пока музыка не стихла.

Музыка стихла? Проклятье! Йен отпустил девушку так внезапно, что она тихонько ахнула и тотчас отпрянула. На ее лице застыло удивление. И казалось, даже, что она чем-то потрясена.

– С-спасибо, – пробормотала она, часто дыша. Ее губы чуть-чуть приоткрылись...

Боже правый, какие же они нежные и чувственные, эти губы! Йен ощутил прилив желания, такой сильный, что стало трудно дышать. Он жаждал накрыть эти восхитительные

губы своим – и больше ни о чем не мог думать. Он уже потянулся было к манящим его губам, но тут рассудок к нему вернулся, он вспомнил, где находится, и остановился.

Ад и проклятье! Вероятно, он произнес эти слова вслух. Что это было? Человеку, считающему себя сдержанным и рассудительным, не пристало задавать подобные вопросы. Но он был не в силах мыслить связно. Впрочем, и бессвязно – тоже. У него голова шла кругом.

Резко кивнув, он удалился. Пока еще мог.

Сердце Маргарет билось так часто, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. И она по-прежнему дрожала.

Но что же с ней такое?

Все ее чувства в одночасье ожили, и она, охваченная паникой, не знала, что с этим делать. Не в силах взять себя в руки, Маргарет вышла из зала. Ошеломленная произошедшим, она чувствовала, что готова разрыдаться. То, что с ней произошло... О, это было не медленное пробуждение чувств и эмоций, доселе дремавших, нет, это походило на звон церковного колокола – громкий, настойчивый, раскатистый...

И теперь уже Маргарет прекрасно понимала, что между ней и молодым воином возникла прочная связь, разорвать которую едва ли удастся.

Казалось, все тело ее ныло и болело, а в животе как будто трепетали крылья бабочек. Сердце же и не думало успокаиваться. Маргарет до сих пор чувствовала его руки на своей

талии и тепло, исходившее от его тела – огромного и мускулистого. А его грудь тогда была так близко, что она могла бы к ней прижаться...

От него удивительно приятно пахло – хвойным мылом и мятой. А его губы – ах, эти губы! – были так близко... Вот если бы... Маргарет шумно выдохнула, затем сокрушенно покачала головой.

Но как мог совершенно незнакомый мужчина произвести на нее столь сильное впечатление?

Маргарет не понимала, куда идет, только знала, что ей надо удалиться как можно дальше. Она больше не могла находиться ни в зале, ни поблизости. Там она чувствовала себя необычайно уязвимой – словно все присутствующие понимали, какие чувства она сейчас испытывает. Всегдашняя уверенность покинула ее.

Чуть помедлив, она осмотрелась и быстро зашагала по коридору в сторону королевского донжона – как можно дальше от шума. Ей требовалась тишина. Хотя было еще совсем рано – недавно завершилась полуденная трапеза, – в коридоре царил полумрак. Добравшись до Старой башни – там когда-то располагались покои Вильгельма Льва, но сейчас она начала разрушаться, – Маргарет вошла в небольшую комнатку в дальнем конце постройки. Возможно, здесь придворные ждали аудиенции или в ней находился солар, но теперь ее переоборудовали в библиотеку. Но Маргарет не нужны были книги – только тишина.

Вероятнее всего, до нее здесь находились мужчины. В жаровне еще тлели угли, но их было слишком мало для тепла. На столе же стоял графин. Маргарет поднесла его к носу и вдохнула чуть сладковатый запах английского бренди. Она предпочитала аналогичный шотландский напиток, но при создавшихся обстоятельствах...

Налив жидкости из графина в один из кубков, она залпом выпила и сразу почувствовала, как по телу стало разливаться тепло. Сердце успокаилось, руки перестали дрожать, грудь наполнилась воздухом, а главное – в голове прояснилось.

Конечно, она приняла все слишком близко к сердцу. Что, собственно говоря, произошло? Ничего. Это был всего лишь танец. А ее партнер – всего лишь мужчина, пусть привлекательный, но тем не менее обычный мужчина. И в его прикосновениях не было ничего особенного.

Тогда почему же она до сих пор чувствовала его пальцы на своем теле? Почему так долго не могла избавиться от дрожи?

Маргарет прислонилась к столу, тщетно пытаясь взять себя в руки, и тут вдруг услышала за спиной какой-то шум.

Обернувшись, она почувствовала, как тоскливо заныло сердце. В библиотеку вошел Джон Комин, и выражение его лица никак нельзя было назвать приветливым. До сих пор Маргарет не замечала его сходства с отцом, но сейчас перед ней, бесспорно, стоял лорд Баденоха – тот же суровый взгляд и высокомерный изгиб губ.

Он решил не утруждать себя вежливостью.

– Миледи, что у вас с сыном лэрда Маклина?

Маргарет выпрямилась и посмотрела юноше прямо в глаза. Ее голос звучал спокойно и уверенно – наверное, помогло бренди.

– Ничего.

Юноша прищурился и подошел к ней ближе.

– Не похоже. Не надо меня обманывать, миледи.

Имея восьмерых братьев разного возраста, Маргарет отлично знала, как чувствительны могут быть юноши и как легко задеть их гордость, поэтому поспешила успокоить потенциального жениха.

– Мы с ним и десятка слов друг другу не сказали. Я же рассказывала вам, что произошло в первый день. – Она улыбнулась. – Он назвал меня идиоткой. Едва ли это могло расположить меня к нему.

Маргарет сделала шаг к юноше. Или ее слова, или близость – но что-то успокоило его. Правда, не окончательно. Он по-прежнему хмурился.

– Тогда почему вы танцевали с ним?

«Понятия не имею». Маргарет прикусила губу, думая, что сказать. Решив, что лучше всего быть честной, ответила:

– Я слышала, как его сестра злословила в мой адрес, и мне хотелось объяснить ей, что думаю на сей счет. Полагаю, он пригласил меня танцевать, чтобы не позволить заговорить с ней и устроить сцену.

Судя по легкому румянцу, появившемуся на юной физио-

номии, он тоже слышал, что о ней говорили.

– Не следует обращать на них внимания. Они просто за-видуют вам.

Маргарет всмотрелась в лицо юноши, пытаясь увидеть мужчину, которым он станет.

– Спасибо, милорд, – кивнула она. – Вы очень добры.

Джон снова покраснел и переступил с ноги на ногу. Его гнев рассеялся, и он снова стал самим собой – не слишком уверенным в себе юнцом.

– Я должен идти, миледи. Нам не следует оставаться наедине. Мне не стоило идти за вами, но я ревновал. – Он взглянул в глаза девушки. – Я думал, что он намерен поцеловать вас, и мне очень хотелось оказаться на его месте.

– Мне тоже этого хотелось бы, – пробормотала Маргарет.

Она вовсе не желала поощрять молодого человека, но так уж получилось. Джон привлек ее к себе и легонько коснулся губами ее губ. Она едва почувствовала это прикосновение.

Поцелуй его был целомудренным в отличие от взгляда. Джон хотел ее и не скрывал этого. Мэгги не могла бы сказать, что поцелуй его был ей неприятен, но повторения она не желала.

К счастью, Маргарет умела обращаться с мужчинами и знала, как их вовремя остановить.

Она попятилась, чтобы между ними появилось какое-то пространство, затем осмотрелась по сторонам. Ее взгляд скользнул по нише в стене, которую закрывала занавеска.

И вдруг в промежутке между тканью и каменным полом она увидела... сапог.

Глава 5

Сначала Йен думал, что она пошла за ним. Сидя на скамье в нише с графином виски и книгой, которую схватил с полки, даже не взглянув на название – это оказались «Правила святого Бенедикта» на латыни, – он услышал, как в комнату вошла Маргарет. Йен уже собирался обратиться к ней, как вдруг появился юный Комин. Сообразив, что, объявившись, он может ухудшить положение, Йен был вынужден тихо сидеть на своем месте и слушать их разговор.

А разговор оказался весьма занимательным. Настолько занимательным, что кровь Йена вскипела. Какого черта? Зачем она это делает?! Неужели не соображает, что не должна стоять так близко к мужчине? И уж тем более говорить ему такие возмутительные вещи! Ведь она сама просит, чтобы он ее поцеловал!

Юноша не заставил себя долго уговаривать и коснулся губами ее губ. Йен же в ярости стиснул зубы. Глаза его заволокло красной пеленой, грудь горела, и все мышцы напряглись. Он мог думать сейчас только об одном – как ломает ударом кулака челюсть этого наглого юнца.

Впрочем, его гнев был направлен не только на юношу: на леди он злился стократ сильнее. Не знай он, что во время танца она испытывала то же самое, что и он, тогда, возможно, все было бы не так плохо. Но ведь она испытала силь-

нейшие чувства – он точно знал. Он уже забыл, что совсем недавно убедил себя в том, что все это не имеет значения – ну, почти убедил, – и теперь был исполнен праведного гнева. Ему казалось, что его предали.

Йен понятия не имел, как долго сможет скрываться, но в какой-то момент вдруг понял: Маргарет осознала, что они с юнцом в комнате не одни.

Комин же принял ее испуг и внезапную бледность за девичью робость и самодовольно улыбнулся. А Йен прижал ладонь к губам, едва удерживаясь от смеха.

Возможно, Фин был прав. И слухи тоже не обманывали. Эта девица точно знала, чего хотела, и упорно шла к своей цели. «Ей надо дать все, о чем она просит, и довести в постели до беспамятства», – промелькнуло у Йена.

Но что-то его останавливало. Что именно, он и сам не знал.

– Вероятно, я должен извиниться, – сказал Комин и отступил.

Маргарет покосилась в сторону ниши, потом снова посмотрела на Джона Комина.

– Извиниться? За что?

– За то, что я воспользовался вашей невинностью, – с чопорным видом ответил юноша.

Йен увидел, как она нахмурилась. Судя по всему, она не сразу поняла, что сказал ее потенциальный жених.

– Ах, вы о поцелуе... – Она прикусила губу и поспешно

потупилась. – Милорд, думаю, вам сейчас лучше уйти. Нехорошо, если нас увидят наедине.

Йен услышал в ее голосе вопрос, а Комин – нет.

– Вы правы. – Юноша улыбнулся. – Хотя, возможно, было бы проще, если бы нас действительно застали в компрометирующей ситуации.

Маргарет нахмурилась, не понимая, на что он намекал. Но Йен все понял. Парень явно знал, что его отец не одобрит такой союз, поэтому искал способы обойти отцовский запрет. Один из способов – сделать так, чтобы его заметили посторонние наедине с молодой леди.

Этот юноша еще не стал рыцарем, но уже обладал рыцарскими понятиями о чести и достоинстве. Конечно, Йен тоже не был рыцарем, но он к этому и не стремился.

Поклонившись, юноша вышел из комнаты. Как только за ним закрылась дверь, Маргарет повернулась к нише, скрестила руки на груди и громко проговорила:

– Я знаю, что вы там. Выходите.

В ее устах это прозвучало так, словно она обращалась к невоспитанному ребенку, который намеренно шпионил за взрослыми. Проклятье! Ничего подобного! Он, Йен, никому не мешая, сидел на скамейке, когда она ворвалась в комнату и немедленно ухватила графин с бренди. В чем же его вина?

Хотя девица не могла видеть его лица, похоже, не удивилась, узнав своего недавнего партнера по танцу.

– Если бы я знал, чему помешаю, то объявил бы о своем

присутствии раньше, – проворчал Йен, чуть отодвинув занавеску.

– Надо же... Оказывается, вы умеете говорить, – насмешливо протянула Маргарет. – А я-то думала, что вы можете общаться только с помощью мрачных задумчивых взоров.

Йен полностью отдернул занавеску и впился в нее взглядом.

– Не думал, миледи, что нам есть что сказать друг другу.

Маргарет не отвела глаза и с грустью проговорила:

– Возможно, вы правы.

Ему следовало уйти. Он должен воспользоваться возможностью – и немедленно уйти. Но вместо этого он быстро пересек комнату и остановился прямо перед ней. Исходивший от нее легкий цветочный аромат, который он почувствовал еще во время танца, будоражил и мешал сосредоточиться.

– Комин не для вас! – заявил Йен. Он был вне себя от гнева, поэтому пренебрег осторожностью.

Маргарет приподняла брови, явно шокированная безапелляционностью его тона.

– Вы в этом так уверены?

Йен еще больше разозлился. Черт возьми, он же старается ее защитить! Баденох ни за что не позволит сыну жениться на ней.

– Да, абсолютно уверен. Позволяя ему вольности, вы ничего не добьетесь.

– Вольности? – Маргарет нахмурилась. – Ах, вы тоже о по-

целуе... – Она засмеялась. – Но ведь это ничего не значит!

То ли ее смех, то ли легкомысленное отношение к поцелую, но что-то разозлило Йена настолько, что он уже не мог сдерживаться.

– Вы настолько опытни, что для вас поцелуй не имеет значения? – осведомился он.

Маргарет взглянула на него, прищурившись.

– Вы когда-нибудь целовали женщину, милорд?

– При чем тут я? – буркнул Йен.

Маргарет несколько секунд пристально смотрела на собеседника, затем, усмехнувшись, сказала:

– Ни при чем. А мой опыт или его отсутствие не ваше дело.

Йен поморщился. Она, конечно, была права, но в то же время чертовски ошибалась!

– Не все мужчины щенки вроде Комина, миледи, которыми можно вертеть, как вам заблагорассудится. И не любого можно отослать прочь, когда вам захочется. Большинство воспримут поцелуй как приглашение к продолжению.

Девушка густо покраснела. Вероятно, она знала, что ее в замке не жаловали. Йен не признавал, насколько близко они стояли друг от друга, но тут она выпрямилась, гордо расправила плечи, и ее соски коснулись его груди.

У него подогнулись колени, и он стиснул зубы, чтобы не застонать. А затем вдруг почувствовал, как кровь стремительно прилила к паху.

– Вы имеете в виду таких мужчин, как вы, милорд? – Девушка взглянула ему прямо в глаза.

Он не знал, что на него подействовало: возможно, вызов, прозвучавший в голосе. Как бы то ни было, но Йен вдруг понял, что больше не в силах сдерживаться. Он хотел наказать ее, преподать ей урок, желал показать, что она ведет опасную игру, но больше всего ему хотелось ее поцеловать. Желание было столь сильным, что в глазах помутилось.

– Именно это я имею в виду, – отчеканил он.

В следующее мгновение он обнял девушку и привлек к себе. И это оказалось так приятно, так правильно, что теперь он не смог бы отстраниться, даже если бы захотел. Ее мягкие женские округлости, прижатые к его телу, вызывали непередаваемые ощущения. Йен чувствовал сильнейшее возбуждение. Даже будучи неопытным подростком, он не испытывал ничего подобного. Желание овладело им, захлестнуло горячей волной.

Склонившись к ней, он впился поцелуем в ее губы, и это подействовало на него как лесной пожар: казалось, он весь был охвачен пламенем. Наслаждение поглотило его целиком. Способность к рациональному мышлению окончательно покинула его, когда Маргарет ответила на поцелуй.

Маргарет смеялась, когда ее брат Дункан в прошлом году застал их с Тристаном: она целовала его в одной из пещер под Данкси. Тогда брат предупредил ее о необходимости со-

блюдать осторожность и сказал, что она играет с огнем: мол, поцелуй – это одно, но ведь может последовать и продолжение. Она знала, что он имел в виду близкие отношения между мужчиной и женщиной, но решила, что брат преувеличивает.

Игра с огнем? Продолжение? Какое еще продолжение? О чем он говорит? Нет абсолютно ничего опасного в том, что она поцеловала Тристана. Это было довольно приятно, и она прекрасно сознавала, что делала. Этот поцелуй никак не мог закончиться тем, что она не раз наблюдала в Гартланде, когда заезжие путешественники оставались на ночь в Большом зале. Женщина лежала на спине, задрав ноги, а мужчина пыхтел и стонал, нависая над ней.

Но теперь Маргарет было не до смеха. Пожалуй, ее брат все-таки понимал, о чем говорил. Любопытство и стремление узнать новое, конечно, не опасны, но страсть... В тот момент, когда Йен обхватил ее своими огромными ручищами и привлек к себе, она всем существом почувствовала разницу.

Желание захлестнуло их обоих. Все ощущения, пробудившиеся во время танца, тотчас вернулись, только стократ усилившись. Маргарет накрыла жаркая душная волна. Сила его рук, ощущение мускулистого тела... Колени ее подгибались. Мэгги чувствовала себя словно околдованной; казалось, она угодила в трясину ощущений, из которой никак не выбраться. Впрочем, особого желания выбраться у нее не было.

И она не хотела, чтобы он останавливался, ни за что!

Его губы были горячими и требовательными. Он целовал ее так, словно имел на это полное право, и Маргарет ничего не имела против.

Она ощущала на его губах головокружительный вкус виски и наслаждалась им. Ей казалось, что она испытывала жажду, которую никак не могла удовлетворить. И по какой-то непонятной причине колени ее все больше слабели, так что если бы Йен не держал ее, она бы рухнула на пол.

Маргарет чувствовала странный трепет внизу живота, трепет, заставлявший ее тихо стонать от наслаждения. Йен тоже застонал, правда, его глухой стон скорее напоминал ругательство. Остатки сдержанности покинули их обоих.

Его поцелуй стал опустошающим, отчаянным. Маргарет поняла это, поскольку чувствовала то же самое. Она отвечала на поцелуй со страстью, возникшей словно из ниоткуда, со страстью, порожденной инстинктом, а не опытом. За те пять или шесть раз, когда она позволяла Тристану целовать ее, Маргарет никогда не чувствовала такого пыла, такой горячности. Она вообще никогда ничего похожего не чувствовала.

И сейчас она знала лишь одно: что хочет его больше всего на свете; никогда еще в своей жизни она ничего так страстно не желала. Она вцепилась в его плечи – и не собиралась отпустить. А он был такой огромный, такой могучий... Рядом с ним она чувствовала себя до странности маленькой и уяз-

вимой.

Маргарет хотелось как можно крепче к нему прижаться, хотелось вдыхать его восхитительный мужской запах. Но она не сознавала, насколько сильно этого желала, пока не ощутила, как весьма специфическая часть его тела стала твердой и уперлась ей в живот. А потом она вообще лишилась способности думать.

Желание раз за разом прокатывалось по ее телу горячими волнами, и все тело отяжелело, особенно груди и самое интимное местечко между ног. Она все громче стонала, о чем-то умоляя обнимавшего ее мужчину.

Он целовал ее все настойчивее, их тела прижимались одно к другому так крепко, что, казалось, слились воедино, а языки исполняли какой-то сложный любовный танец. Или это было сражение? Да, возможно. Но Маргарет не чувствовала угрозы. Более того, она безоговорочно доверяла своим инстинктам, настойчиво требовавшим этих поцелуев и этих объятий. Но во всем происходившем присутствовала и нежность – от нее сладко щемило в груди, и она парила над ними словно добрый страж, молчаливый защитник.

Отросшая щетина Йена царапала щеку, но Маргарет было все равно. Ближе... Сильнее... Крепче... Ей хотелось слиться с этим мужчиной окончательно, чтобы они превратились в одно существо.

Внезапно сильные руки обхватили ее за талию и оторвали от пола.

Маргарет тихо застонала и затаила дыхание. По телу ее прокатилась дрожь. Она страстно желала чего-то, хотя точно не знала, чего именно. И, возможно, получила бы желаемое, если бы не скрип открывавшейся двери.

Йен отпустил девушку так внезапно, что она бы упала, не оказись за спиной надежной опоры в виде каменной стены.

– Маклин, ты... – Вошедший мужчина, увидев их, замолчал и тихо выругался. Все еще одурманенная страстью, Маргарет не сразу узнала молочного брата Йена. – Проклятье, я не хотел мешать...

Маргарет в страхе замерла. Слишком уж наглым был его взгляд.

Йен пришел в себя быстрее. Сделав два шага, он заслониł девушку от глаз друга, и Маргарет была ему за это благодарна.

– Я присоединюсь к тебе через минуту, Фин, – пробурчал он.

Физиономия Финна расплылась в насмешливой улыбке.

– Не торопись, приятель, – сказал он.

Маргарет не видела выражения лица Йена, но, заметив, как быстро скрылся Фин – словно растворился в воздухе, – поняла, что выражение это не обещало ничего хорошего.

Когда Йен снова повернулся к девушке, лицо его было, как обычно, непроницаемым.

– Прошу меня извинить, – сказал он. – Это не должно было случиться.

Маргарет смотрела на него с искренним удивлением. Глядя на его невозмутимое лицо, невозможно было поверить, что всего лишь несколько минут назад он целовал ее с необычайной страстью.

Почему же ее так влекло к Йену Маклину? Она ведь и раньше видела красивых мужчин. Некоторые из них даже были не менее высокими и сильными. Она встречала и серьезных мужчин, умных и образованных. Но ей еще не приходилось встречать мужчину, который понимал бы ее без слов.

Склонив голову к плечу, Маргарет внимательно на него посмотрела и спросила:

– Что-то случилось?

Йен молчал. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, наконец он ответил:

– Понятия не имею.

Девушка невольно засмеялась.

– Полагаю, случившееся можно определить словом «вольности».

Йен тоже рассмеялся. Смех изменил его черты, сделав лицо по-мальчишески очаровательным. Маргарет подумала, что могла бы смотреть на это лицо бесконечно долго, всю жизнь.

– Да, понимаю, – кивнул он.

– А я теперь понимаю, что вы говорили о щенках. – Она стала серьезной. – Хотя я и не думала о подобном приглаше-

нии к продолжению.

Йен чуть нахмурился.

– Я вовсе не имел в виду то, что сказал. Моими устами говорила злость. Вы не сделали ничего дурного. То, что случилось, – моя вина.

– Что случилось, то случилось. Никто не виноват. – Маргарет попыталась улыбнуться – не слишком, впрочем, успешно. – Тем не менее я рада слышать, что не сделала ничего плохого. И ни о чем не жалею.

– Я тоже рад.

Они несколько секунд молчали, и молчание их вовсе не тяготило. Маргарет понимала, что этот мужчина ей нравится. Да, ей очень нравится этот молчаливый и серьезный молодой воин. Ей нравится видеть, как маска невозмутимости на его лице иногда дает трещины, сквозь которые прорывается чувство юмора. Ох, ей ужасно нравится его улыбка! А также его лицо, фигура и манера держаться. Ей все в нем нравится.

Может, ее мысли написаны у нее на лице? Маргарет заметила, что взгляд молодого воина потеплел.

– Виноват я или нет, это не должно повториться, – сказал он.

Девушке хотелось возразить, но как она могла? Ведь Йен был прав.

– Вы должны идти, – продолжал он. – Комин, вероятно, не понимает, почему вы до сих пор не вернулись в зал.

Будь в его голосе хотя бы намек на сомнения или колебания, она бы осталась. Но такого намека не было, и Маргарет молча кивнув, шагнула к двери. Уходя, она чувствовала, как сильно ноет сердце. В Йене Маклине было что-то необъяснимо притягательное. Он в одночасье стал для нее особенным, ей хотелось прижаться к нему, обнять – и никогда не отпустить.

«Ох, я веду себя как дура, – сказала она себе. – Совсем как тринадцатилетняя молочница Энни, которая в прошлом году целый месяц ходила как привязанная за шестнадцатилетним помощником конюха Падрэгом, думая, что влюблена в него».

Но то молочница, а дочери могущественных лэрдов не влюбляются. Да-да, именно так.

Маргарет прикусила губу. Она очень надеялась, что не ошибается.

Глава 6

Йен знал, что должен придумать способ произвести впечатление на Брюса, но никак не мог сосредоточиться и обратиться с мыслями. Когда охотники холодным серым утром скакали по лесистой равнине на юго-запад – эту местность называли Королевским парком, – он был не в состоянии думать о ловушках и рельефе местности, не мог думать даже об олене, которого недавно подстрелил. Он думал только о поцелуе, хотя о нем уже давно следовало бы забыть.

Хм... даже интересно... Что на него нашло? Столь откровенная слабость к девчонке не могла не беспокоить. На него все это было совершенно непохоже. Он никогда в жизни не делал ничего подобного. А ведь уже был близок к тому, чтобы уложить ее на скамью в нише, задрать юбки... и совершить глупость. Очень большую глупость. Огромную. Тем самым он обрел бы чертову прорву неприятностей – от Брюса, от отца и от Макдауэлла.

И она бы ему позволила. Вот что самое главное. Именно это он никак не мог выбросить из головы. Он мог бы взять ее, и это обстоятельство не давало ему покоя.

Йен не знал, как и когда ситуация вышла из-под контроля. Да, он целовал ее, и девчонка отвечала так, что было ясно: она целовалась не впервые. Но уже в следующий момент он был в полной готовности овладеть ею, оставалось только

уложить ее. Пошевелив пальцами, он вдруг вспомнил, как его ладони легли на ее ягодицы... О, это ощущение не скоро забудешь.

Да и вообще ему вряд ли удастся забыть эту девицу. Даже на краю могилы он будет помнить этот поцелуй и ее тихие стоны.

Сидеть в седле сразу стало неудобно. Проклятье!

Лесная тропа расширилась. Его догнал Фин и тихо спросил:

– Что с тобой? Ты за все утро не сказал ни слова. – Фин покосился на молочного брата и молча ухмыльнулся. – Или я не должен спрашивать? Судя по твоей мрачной физиономии, ты не закончил то, чем так успешно занимался, когда некстати появился я. Девушка так откровенно стонала... вот я и подумал, что она не станет ждать.

Йен стиснул зубы. Если он сожмет их еще сильнее, они начнут крошиться.

– Я же сказал тебе, что ничего не было. Все, что ты видел, – ошибка.

Фин рассмеялся.

– Ошибка или нет, но если то, что я видел, было «ничего», то я бы не отказался попробовать. Могу занять очередь.

Йен сжал кулак, но все же сдержался. Ему ужасно хотелось придушить молочного брата. Вместо этого он сжал поводья с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Держись от нее подальше, Фин. Я тебя предупредил.

Фин прищурился. Похоже, желание придушить братца или хотя бы сломать ему челюсть было написано на лице Йена.

– Ты ведешь себя немного странно. Но при этом утверждаешь, что ничего не было. Только не говори, что ты понастоящему влюбился в эту девицу.

У Йена заныли зубы. Все же не надо их так сильно сжимать. Того и гляди без зубов останешься. Да, ему понравилась девушка. Очень понравилась. В этом-то и проблема. И ведь ясно, что она совсем не такая, какой казалась. Она добрая, очаровательная, обладающая чувством юмора – и непредсказуемая.

Она своенравная и очень забавная. Йен не мог припомнить, когда так смеялся, беседуя с женщиной. Возможно, никогда.

Фин, похоже, догадался, о чем он думает.

– Она не для тебя, Маклин. Я знаю тебя и уверен, что эта рыжеволосая кокетка очень быстро доведет тебя до безумия. Ты что, действительно хочешь сделать из нее приемлемую жену – если, конечно, такое возможно? Ты смел и предприимчив на поле боя, но традиционен во всем остальном. Могу согласиться, что в этой девице есть некое очарование, она непохожа на других, но неужели тебе нужна жена, которая станет носиться по округе как дикая язычница, пусть даже выглядит как сочный персик, который просит, чтобы его сорвали? Она не станет покорно сидеть дома у очага, пока ты

будешь заниматься тем, чем хочешь. Такая девица требует постоянного внимания. А твое внимание всегда будет на полях сражений. Ты уверен, что она не станет искать внимания других мужчин? – Он сделал паузу. – Разделит ли она твои интересы? Ведь она наверняка не умеет читать, наверное, даже не сможет написать свое имя. – Фин устремил на брата серьезный хмурый взгляд. – Переспи с ней, если хочешь, но не теряй головы. Перед тобой открывается блестящее будущее. А эта девица станет для тебя огромной обузой. И потом... Разве ты уже забыл о леди Барбаре?

– Нет, конечно. – Йен поморщился. – И мне не нужны твои дурацкие советы. Ты ничего не знаешь о моих намерениях.

– Неужели? – Фин расхохотался.

Йен со вздохом отвернулся. Увы, молочный брат слишком хорошо его знал. Да, конечно, он, Йен, увлекся леди Маргарет... слегка, самую малость, но Фин прав: леди Маргарет – временное развлечение. Она красива, этого у нее не отнять, только ему нужна женщина умная, образованная и вместе с тем скромная, знающая свое место. Иными словами – такая, как леди Барбара.

Для амбициозного воина связь с семейством Кейт чрезвычайно выгодна. Более того, леди Барбара знала, чего от нее ждали. Она серьезна и осмотрительна, поэтому не станет привлекать к себе внимание везде, где появится. Она не станет совершать необдуманных поступков и давать поводы для

сплетен при дворе. Фин прав: ни один мужчина не сможет жить спокойно, имея такую жену, как Маргарет.

Зато с ней не будет скучно.

Жизнь станет веселой.

Волнующей.

Полной страсти.

Он никогда не стремился к этому раньше, но сейчас благодаря Маргарет познал вкус настоящей страсти, и это оказалось соблазнительнее, чем ожидал, – соблазнительнее и заманчивее.

Все еще злясь на друга, Йен услышал, что его зовет Брюс, и поскакал вперед. Следовало убедить своего родственника в том, что он лучший кандидат на место в тайной гвардии. Это его шанс, и он не собирался его упускать.

Охотники преодолели пологий склон холма и въехали в ворота, ведущие во внешний двор замка. Возведенный на каменистом холме и недоступный с трех сторон из-за отвесных скал, Стерлинг имел не одну, а две стены, защищавших башни и внутренние постройки. Подъезжая, они яростно спорили об Уильяме Уоллесе.

– Уоллес потерпел неудачу, потому что не сумел объединить шотландскую знать, с тем чтобы она выступила единым фронтом против Эдуарда, – проговорил Брюс, спешиваясь.

– Да, отчасти, – согласился Йен, спрыгнул с коня и отдал уздечку одному из помощников конюха, выбежавших из конюшни им навстречу. – Но у него было бы больше шансов,

если бы он навязал абсолютно всем свою манеру ведения боевых действий, а не полагался только на звать.

Брюс замер, явно принимая тему близко к сердцу, хотя Йен говорил не о нем, а о дезертирстве Комина при Фолкерке. Решение лорда Бедноха увести свою кавалерию с поля сражения оставило пехоту без защиты, и в конечном счете именно это привело к разгрому Уоллеса. Даже с кавалерией Баденоха победа казалась сомнительной, но без нее поражение было неизбежным.

Йен поспешил пояснить свою мысль.

– Уоллес был на высоте, когда избегал генеральных сражений и вынуждал англичан сражаться на его условиях. Именно его нетрадиционные методы ведения войны – внезапные нападения и засады – давали ему хороший шанс против англичан. Привлечь на свою сторону всю Шотландию и ее звать – другой вопрос.

Брюс промолчал. Йен, следовавший за своим родственником к стене, принял молчание за согласие. Многие охотники разошлись, но Фин, Кэмпбелл и еще несколько человек продолжали идти за своим предводителем.

– Ты, мой юный друг, говоришь только о военных хитростях, – проговорил, наконец, Брюс. – Но ведь нельзя забывать и о величайшей победе Уоллеса, благодаря которой его всегда будут помнить. – Он кивнул в сторону моста, протянувшегося в северо-восточном направлении. – Я имею в виду битву на мосту перед замком Стерлинг.

– Да, это не была засада, но даже тогда Уоллес использовал нетрадиционную тактику – разного рода хитрости. Он воспользовался преимуществом своего выгодного положения и заманил англичан на местность, которую считал для себя удобной: на узкий мост. Там река изгибается, и в ее излучине он смог уничтожить множество английских солдат, лишив их численного преимущества. И это не являлось генеральным сражением двух армий, столкнувшихся лоб в лоб, с традиционным использованием рыцарей и прочего. – Йен сделал паузу. – Я вовсе не утверждаю, что он не мог вступить в решающее сражение и победить. Я только имею в виду, что мы должны воевать на выбранной нами самими территории, где можно уравнивать шансы. А до этого отдельные маленькие победы станут такими же деморализующими и эффективными, как одна большая. В конечном итоге англичан победят не сильные авангарды – лучники, кавалеристы и шилтроны, – а наше знание местности, мастерство и способность перехитрить их. Надо использовать любое оружие, имеющееся в нашем арсенале, пусть даже это будет хитрость или прямой обман.

Брюс расплылся в улыбке.

– Это, пожалуй, самая длинная речь, которую я от тебя когда-либо слышал, кузен, а уж такого воодушевления в твоём голосе и вовсе не слышал никогда.

– Он этим живет, милорд, – вмешался Фин. – И знаете... Он, конечно, человек очень серьезный и образованный, но

вместе с тем такой хитроумный пройдоха, каких мне редко доводилось встречать в бою. Вы не представляете, как я был рад, что в детстве, когда мы играли в войну, он всегда был на моей стороне. Я временами даже жалел сыновей Джона Лорна, с которыми мы вместе воспитывались. Маклин всегда одерживал верх после какой-нибудь хитрости, на которую они попадались. Война для него – игра, но едва ли его противники достаточно умны, чтобы в нее играть.

Брюс, судя по всему, был очень доволен – словно услышал об Йене именно то, что хотел.

– Что ж, если в эту игру он играет хотя бы наполовину так хорошо, как в шахматы, я хотел бы посмотреть на него в деле, – с усмешкой проговорил Брюс.

Прежде чем Йен успел уточнить, что имелось в виду, снова заговорил Фин.

– Кстати, о шахматах... – Он кивнул в сторону двух всадниц, только что въехавших в ворота.

Йен замер, совершенно ошеломленный увиденным.

Боже правый, она бесподобна! У него задрожали колени и перехватило дыхание. Прелестница? О, слабо сказано. Настоящая рыжая колдунья!

Кажется, членов ее клана называли дикарями? Маргарет и впрямь напоминала дикарку. Волосы рассыпались по плечам, щеки покраснелись, глаза сверкали. На фоне серых стен замка она казалась воплощением жизни – той жизни, которую Йен не знал. Он хотел дышать ею, дышать окружа-

шим ее радостным сиянием.

Да, пусть она не для него, пусть в ней нет ни капли сдержанности и скромности благородной леди – ему было все равно.

Их глаза на мгновение встретились, и Йену показалось, что он почувствовал облегчение, когда она отвела взгляд. Однако его сердце гулко колотилось, и было совершенно очевидно: он хотел ее так сильно, как никогда еще ничего не хотел, так хотел, что даже голова шла кругом.

Проклятье! Ей давно уже следовало отвернуться! Но тут на нее обратил внимание Брюс, неизменно любезный с женщинами, даже если они из стана врагов.

– А вот и наша рыженькая малышка, – пробормотал он.

«Проклятье, неужели кузен заметил?» – промелькнуло у Йена. Он попытался скрыть смущение, а Брюс отвесил дамам изящный поклон и проговорил:

– Леди Маргарет, леди Бригид... Вижу, не только мы решили сегодня утром покататься верхом. – Он огляделся и нахмурился. – Но кто же вас сопровождает?

Маргарет и ее подруга с улыбками переглянулись, и было очевидно, что с трудом удержались от смеха.

– Эти люди отстали, – сообщила Маргарет. – Сильно отстали. Понимаете, мы решили устроить скачки.

Она снова улыбнулась и спешила с помощью одного из конюхов, затем направилась к мужчинам. У нее была потрясающая походка. Глядя на плавное покачивание ее округ-

лых бедер, обещавших неземное блаженство, Йен судорожно сглотнул. Даже за все сокровища мира он не смог бы отвести от нее глаза.

– Скачки? Но с кем? – полюбопытствовал Фин.

– С моими братьями, – ответила Маргарет. – Я даже дала им небольшую фору.

Девушки снова переглянулись – и на сей раз громко рассмеялись.

Йен понял, что Маргарет в высшей степени довольна собой, а Фин нахмурился и пробормотал:

– Вы хотели сказать, что это они дали вам фору?

Рыжеволосая красавица хохотнула.

– Нет, я все сказала правильно: именно мы дали им фору.

– И вы выиграли? – Фин взглянул на нее с недоверием.

– Разумеется. – Губы Маргарет презрительно скривились. – Я очень хорошая наездница. Мы как раз находились на дороге из Корнтонна, в нескольких милях от брода у Килдеана, когда решили устроить скачки.

Йен нахмурился и проворчал:

– Но это место проходимо только при низкой воде. А сейчас вы должны были проехать по мосту и подъехать к Стерлингу с другой стороны.

Маргарет улыбнулась. В ее золотистых глазах сверкали озорные огоньки.

– Разве? Впрочем, сейчас я, кажется, припоминаю... Кто-то действительно упоминал об этом. Интересно, мои братья

это знали? Надеюсь, им не пришлось ехать обратно.

Йен, не сдержавшись, громко расхохотался. Брюс и остальные – тоже. Девчонка была не только красива, но и остроумна. И, следовательно, очень даже неглупа.

Да поможет ему Бог.

Маргарет переводила глаза с одного мужчины на другого. И от их веселого смеха ее сердце забилося чаще – словно от грубоватой ласки. Было очень приятно слышать этот смех.

– Возможно, не только ты хорош в такой игре, кузен, – заметил Роберт Брюс. – Быть может, мне следует предложить этой девушке поиграть?

– А что за игра? – заинтересовалась Маргарет.

Брюс объяснил ей, о чем они говорили, и Маргарет, чуть нахмурившись, покачала головой. Ох, эти мужчины!.. Чем старше она становилась, тем все больше убеждалась в том, что мужчины всего лишь подросшие мальчишки, которые любят возиться в грязи, строить форты и изобретать всевозможные способы убивать друг друга.

Она приподняла бровь и повернулась к Йену.

– Когда я была маленькой девочкой, мы с братьями играли в игру, которую называли «Христиане и варвары». Вам это ничего не напоминает?

Уголки губ Йена едва заметно дрогнули. Это был лишь слабый намек на улыбку. Но она пронзила все существо Маргарет, добравшись до сердца.

– Мы называли такую игру «Горцы и викинги», – ответил молодой воин.

Маргарет ухмыльнулась.

– Полагаю, правила были одни и те же.

– А на чьей стороне играли вы, леди Маргарет? – полюбопытствовал Брюс, хоть и, судя по смешинкам в его глазах, знал ответ.

Маргарет медлила с ответом. Хотя ее отец пришел бы в ужас, ей все больше нравился этот молодой аристократ. Он обладал таким же острым чувством юмора, как она.

– На стороне варваров, разумеется, – улыбнулась Маргарет. – Они намного забавнее.

Брюс хмыкнул.

– Хорошо, что вас не слышит отец Бертрам. Иначе вы бы остаток недели провели на коленях, читая покаянные молитвы.

Маргарет пожала плечами: она уже успела познакомиться с местным священником и не сомневалась в том, что Брюс не шутил.

– Признаюсь честно, я провела на коленях больше времени, чем любой представитель нашего клана, – заявила девушка.

Мужчины переглянулись, и Брюс окинул ее странным взглядом – словно не был уверен, что расслышал правильно. Маргарет же нахмурилась и вопросительно взглянула на Йена, но тот явно смутился, отвел глаза и даже чуть покраснел.

Маргарет поняла, что допустила какую-то ужасную оплошность. Она уже собиралась спросить, какую именно, но тут послышался топот копыт и в ворота въехали ее братья, Дункан и Дугалд.

Взглянув на их хмурые физиономии, Маргарет расплылась в улыбке.

– Хорошо покатались, парни? Мы с Бриг уже начали волноваться – не случилось ли чего с вами? Надеюсь, у вас не было проблем... к примеру, с бродом?

Дугалд, напрочь лишенный чувства юмора, выглядел так, будто собирался устроить сестре хорошую трепку, но Дункан, имевший такой же легкий характер, как у сестры, был скорее раздражен, чем взбешен. Он считал себя самым умным в семье и терпеть не мог, когда его обводили вокруг пальца.

Оба спешили и подошли к сестре. Они были не такими высокими, как Йен, и волосы у них были темнее, но в остальном очень похожи: то же выражение лица, та же гора мускулов – в общем внешний вид разбойников с большой дороги. Но Маргарет не отступила. Она давно привыкла к их стараниям запугать ее. Еще в пятилетнем возрасте или около того она поняла, что старшие братья никогда ее не обидят.

– Не забывай: я вполне могу положить тебя себе на колени и отшлепать, крошка Мэгги, – тихо сказал Дункан.

В детстве Маргарет терпеть не могла, когда братья так ее называли, а сейчас ей было... почти все равно. Из всех бра-

тьев ближе всех ей был Дункан.

– Только попробуй – и сразу почувствуешь мое колено на своем чувствительном месте, – улыбаясь, ответила девушка, а Дункан, поскольку именно он научил ее такому способу самозащиты, поморщился, так как точно знал, что это не пустая угроза. – Кстати, с вас обоих по шиллингу. – Она протянула руку. – И не пытайтесь отвертеться от пари. Все было сказано четко. Мы добрались до замка раньше вас – значит, выиграли.

Дункан обернулся к Дугалду в поисках поддержки, но старший брат отмахнулся.

– Не смотри на меня так, – буркнул он. – Я говорил тебе, что заключать с ней пари – себе дороже, даже с учетом форы.

Дункан, тяжело вздохнув, полез в свой спорран¹, достал монеты и положил на ладонь сестре. Его взгляд обещал скорую месть.

Маргарет хотела отдать одну монету Бригид, но тут вдруг заметила, что подруга взирала на Дугалда с очень странным выражением, а тот, в свою очередь, сердито смотрел на мужчин, собравшихся неподалеку.

Маргарет выругалась себе под нос. Она совершенно забыла о том, что легкомысленно болтала с врагами, – по крайней мере, так это выглядело бы в глазах ее семьи, хотя и считалось, что этот сбор в замке – встреча временных союзников.

Она поспешила разрядить нарастающее напряжение

¹ Спорран – поясная сумка-кошелек. – *Примеч. ред.*

и бойко проговорила:

– Граф и его свита вернулись в замок с охоты прямо перед нами. Боюсь, мы с Бригид остановили их своим откровенным восторгом от скачек. – Она бросила на графа Каррика взгляд заговорщицы. – Хотя... К счастью, игра, которую мы прервали, велась без резных фигурок.

Роберт Брюс лукаво улыбнулся, что совершенно не понравилось братьям красавицы.

– Игра? – переспросил Дугалд.

– Нет, шутка, – отмахнулась Маргарет.

Дункан посмотрел на сестру, потом на графа, затем снова на сестру, после чего удовлетворенно вздохнул. Он расслабился и теперь взирал на свиту своего врага с меньшей враждебностью. Зато Дугалд таранился на Брюса с такой злобой, словно никак не мог решить, какое оружие использовать против него – меч или боевой топор.

– С ней нельзя заключать пари, – сказал Дункан. – Если, конечно, не хотите остаться без серебряных монет. Наша крошка Мэгги – удивительное создание. Она всегда выходит победительницей. Когда Джон Лорн был у нас в Гартланде, она выиграла у него десять шиллингов.

– Каким образом? – заинтересовался Брюс, явно впечатленный суммой.

– Он сказал, что женщина не сможет выпить кружку эля быстрее его. И, разумеется, ошибся.

Маргарет прыснула. Джон Лорн ей ужасно не нравился,

и было очень приятно увидеть, как он подавился своими словами – в буквальном смысле.

Это сообщение позабавило Роберта Брюса, однако выражение лица Йена Маклина оставалось непроницаемым. Впрочем, Маргарет почувствовала, что он не одобрил ее пари.

Она сдержалась и не закатила глаза... пока Йену явно следовало расслабиться и научиться развлекаться. Пари – это очень весело, особенно если выигрываешь.

– Что ж, пить эль – это великое искусство, – игриво заметил Брюс.

Маргарет пожала плечами.

– Все очень просто, если знаешь, как правильно открывать рот.

Дункан вдруг истерически захохотал, Дугалд поморщился, а на лицах Брюса и Йена отразилось смущение. Маргарет взглянула на Дункана, ожидая объяснений, но он только помотал головой, не в силах произнести ни слова: его душил смех. Наконец, сумев справиться с собой, он пробормотал:

– Это моя вина. Я не должен был принимать нынешнее пари.

– Почему? – спросил Фин. – Она смошенничала?

Дункан начал объяснять, но Маргарет жестом остановила его и повернулась к Фину. «Симпатичный юноша, – сказала она себе. – Такой же высокий и отлично сложенный, как Йен, но только с волнистыми темно-каштановыми волосами и яр-

кими глазами цвета изумрудов». Сначала она рассматривала его как потенциального ухажера для Бригид, но подруга пока не проявляла к нему интереса, как, впрочем, и к другим мужчинам. Однако же теперь Маргарет была рада, что не сделала никаких шагов в этом направлении. Что-то в нем ее тревожило. Она точно не могла сказать, что именно, но молочный брат Йена ей интуитивно не нравился.

– Вы уверены, что иначе я не смогла бы его превзойти? – осведомилась девушка.

В ее легкомысленном тоне прозвучали стальные нотки. Бригид их тотчас узнала, хотя Фину было невдомек. Бридж потянула подругу за руку, тихо пробормотав:

– Пойдем: скоро полуденная трапеза, и мы должны...

– Разумеется, не смогли бы, – громко проговорил Фин.

– Почему? – поинтересовалась Маргарет.

– Вы женщина, – заявил Фин таким тоном, словно этим все было сказано.

Маргарет оглянулась на Дугалда и Дункана. Братья же развлекались, строя вполголоса догадки, куда это все приведет.

– Как мило, что вы это заметили, – усмехнулась девушка, и в ее голосе не было сарказма... почти не было.

Йен попытался вмешаться, ощутив приближение грозы.

– Фин не хотел вас обидеть, леди Маргарет. Я уверен: вы отличная наездница.

Маргарет действительно была очень хорошей наездницей,

но почему-то у нее появилось ощущение, что над ней посмеялись. Она усмехнулась, решив, что смеется тот, кто смеется последним, и с вызовом уставилась на молочного брата Йена.

– Возможно, вас удивит, что женщины могут делать многое не хуже мужчин, а кое-что даже лучше.

– Ну, рожать детей, шить и следить за тем, чтобы еда для мужчин была на столе вовремя, – это они, возможно, действительно умеют лучше, – с высокомерной ухмылкой проговорил Фин. – Но решать задачи, требующие физических и умственных усилий, женщины не способны.

Маргарет скрестила руки на груди.

– А кто это сказал?

– Бог. Церковь. Немощный сосуд, вы же понимаете...

На сей раз Маргарет все же не удержалась и закатила глаза. Опять «немощный сосуд» и «грехопадение – вина Евы»? Чтобы не слышать подобных вещей, она всячески избегала посещений церкви. Правда, сейчас все было намного хуже, чем в Гартланде. Похоже, обитатели Стерлинга большую часть своего времени проводили в часовне.

– Мне кажется, что слабее не тот, кто был обманут Сатаной, а тот, кого так легко удалось уговорить съесть яблоко. – Она весело засмеялась, глядя на шокированных мужчин. Что ж, так им и надо! – Но в случае с верховой ездой и, возможно, плаванием под парусом, – продолжила девушка, – могу сказать с полной уверенностью, что все мужчины не правы.

Мужчины из свиты Брюса – включая Йена – молча уставились на нее, разинув рты.

Она пожалала плечами, не желая извиняться. Ведь то, что она сказала, было чистейшей правдой.

– Да-да, я превзошла многих мужчин в скачках, – добавила Маргарет.

Брат Йена, не подумав, выпалил:

– Возможно, у вас не было достойного соперника.

И в тот же миг оба ее брата, что-то глухо проворчав, взяли за рукояти мечей.

Зная, что необходимо действовать как можно быстрее, чтобы предотвратить кровопролитие, она тотчас воскликнула:

– О, какая прекрасная идея! Я принимаю ваш вызов, милорд!

Фин, судя по всему, не заметивший опасности со стороны братьев Маргарет, которых он невольно оскорбил, посмотрел на девушку как на безумную и пробормотал:

– Чтобы я скакал наперегонки... с вами?

Он был настолько ошеломлен, что Маргарет рассмеялась.

– А почему бы и нет? Это будет забавно. – Она устремила взгляд на брата, которому не смогла преградить дорогу (тот сделал шаг в сторону обидчика и уже был готов броситься в атаку). – Ты согласен, Дункан?

Они довольно долго смотрели друг на друга. Наконец Дункан немного расслабился, отступил и выпустил из руки

меч. Дугалд тоже вздохнул свободнее. Гроза прошла стороной, и Маргарет мысленно улыбнулась. То, что она задумала, станет достойным ответом на удар, нанесенный гордости Макдауэллов, и не нарушит переговоров.

– Да, я думаю, это хорошая идея. Дункан со мной согласен. Нам всем не помешает немного развлечься. – Она мило улыбнулась.

Йен, похоже, заметил потенциальный конфликт, который Маргарет с блеском обошла. Он внимательно взглянул на ее братьев, желая убедиться, что угрозы больше нет, и снова уставился на девушку.

– Фин не хотел вас оскорбить, леди Маргарет. Он шутил, но, боюсь, был с вами не совсем честен: он здесь самый лучший наездник.

Маргарет с нескрываемой насмешкой осмотрела темноволосяго воина с ног до головы.

– Да? Тогда скачки будут еще забавнее, чем я думала. Я люблю трудные задачи.

Фин, по-видимому, уже успел обдумать предложение, счел его вполне приемлемым и презрительно улыбнулся. Маргарет ужасно захотелось стереть с его физиономии эту улыбочку, и она спросила:

– Когда?

– Немедленно, если не возражаете. Хотя, возможно, вы устали и желаете...

– Не возражаю, – перебил Фин и на минуту задумался. –

На что заключаем пари?

Маргарет пожала плечами. Для нее была важна только победа.

– На что хотите.

Злорадный блеск его глаз подсказал ей, что следовало бы взять свои слова назад. Было ясно, чего Фин хотел. Вероятнее всего, он заметил ее неприязнь, и его взгляд стал тяжелым.

– Что ж, тогда... на своенравного черного жеребца, на котором только что ездил ваш брат Дункан.

Послышались возгласы удивления. Конь Дункана стоил годового жалованья рыцаря.

Йен был готов взорваться.

Маргарет замерла, а Дункан начал возражать:

– Но это же не мой...

– Отлично, – кивнула девушка, и брат замолчал. Фину совершенно небязательно было знать, что они с Дунканом перед скачками поменялись лошадьми. Черный жеребец принадлежал ей (не только Джону Комину посчастливилось получить коня в подарок на восемнадцатый день рождения). – А если выиграю я, то потребую коня, на котором будете скакать вы.

Не приходилось сомневаться, что Фин не воспринял угрозу всерьез.

– Что угодно, милая леди.

Да, ей очень хотелось стереть с его наглой физиономии

эту гнусную ухмылку.

Йен наблюдал за приготовлениями с тревогой и раздражением. Брюс наотрез отказался вмешиваться, заявив, что Фину еще очень повезло, поскольку девушка не позволила своим братьям устроить потасовку. Йен также подозревал, что его высокородный родственник ничего не имел против унижения Макдауэллов, даже если в деле была замешана женщина.

Но было ясно: Фин не отступит. Он все время пытался что-то доказать Йену относительно леди Маргарет, а та вела себя совершенно возмутительно, даже не желая этого.

Да-да, леди Маргарет твердо стала на путь, ведущий к гибели, и ничто не заставит ее свернуть, тем не менее он обязан попробовать. И Йен отправился ее искать. Двор уже начал наполняться зеваками, а девушка заявила, что ей необходимо что-то взять в своей комнате, и убежала в башню (а ее брат Дункан остался, чтобы обговорить условия состязания с Финном).

Сошлись на дистанции в десять фарлонгов по дороге от аббатства Святой Девы до замка. Было решено, что скачка начнется на плодородной равнине форта и завершится крутым подъемом на холм, где стоял замок. Первый, кто проедет по подъемному мосту под опускающейся решеткой, станет победителем.

Когда Йен добрался до башни, навстречу ему хлынула

толпа.

Проклятье! Все стремились увидеть непривычное зрелище. Похоже, слух о пари распространился по замку со скоростью лесного пожара. Или чумы...

Йен довольно долго ждал у подножия лестницы. Когда же Маргарет наконец появилась, он сначала не поверил своим глазам, а потом замер с раскрытым ртом.

Заметив его, девушка остановилась и улыбнулась. И она... О, она была обворожительна! Узел, который завязывался в груди Йена всякий раз, когда он ее видел, стал еще туже.

– Если вы хотите вправить мне мозги, то зря теряете время, – заявила она.

Молодой воин был настолько шокирован ее внешним видом, что на время лишился дара речи.

– Но вы не можете показаться на людях в этом... – пробормотал он.

Маргарет опустила глаза на свои коричневые кожаные бриджи, заправленную в них белую полотняную сорочку и короткий кожаный плащ-сюрко, перехваченный ремешком в талии. Еще она сменила кожаные сапоги на изящные ботиночки и заплела свои пламенеющие волосы в толстую косу, которую скрутила на затылке. То есть Маргарет была одета как юноша, но никогда еще не выглядела такой женственной! Причем она оказалась более изящной, чем он предполагал. Бриджи в обтяжку и сюрко не скрывали ее великолепной фигуры, доселе спрятанной под пышными юбками пла-

тьев. Ноги рыжеволосой красавицы были длинными, стройными и мускулистыми, бедра и ягодицы – округлыми, а талия – необычайно тонкой. И, конечно же, взгляд Йена не мог не задержаться на полных грудях и плоском животе.

Ему не пришлось напрягать воображение, чтобы представить ее обнаженной, и от этого соблазнительного образа было невозможно избавиться.

Йен понял, что попал в беду.

– Понимаю, моя одежда не вполне традиционна, но не могу же я скакать в тяжелых юбках? – заявила девушка. – Они будут мешать, я упаду и сверну себе шею.

– Вы вообще не должны скакать, – пробурчал Йен. – Тем более в этом. Вы же почти без одежды...

Маргарет заулыбалась, да так, словно ее что-то рассмешило.

– Я и не подозревала, что большинство мужчин ходят без одежды, – заметила она. – Надо будет присмотреться получше. – Ее взгляд скользнул по кожаным бридгам молодого человека и остановился на отчетливой выпуклости между ног.

«Проклятье! – мысленно воскликнул молодой воин. – Лучше бы она меня ударила». Его бросило в жар, вся кровь прилила к паху, и фаллос стал твердым как копьё.

Когда же она снова подняла свои золотистые глаза и всмотрелась в его лицо, Йен почувствовал себя словно в ловушке. Больше всего на свете ему хотелось перекинуть девицу через плечо, отнести к себе в комнату, швырнуть на

постель и овладеть ею, как его мародерствовавшие предки викинги.

Но откуда все это взялось? Что в этой девушке особенно-го? Почему один только взгляд на нее пробуждал все самые примитивные инстинкты? Для человека, всегда гордившегося своей способностью рационально мыслить в любой ситуации, такая низменная бездумная реакция – тяжелый удар. Леди Маргарет стала проблемой, которую он не мог решить, как ни старался.

– Вы же носите точно такую же одежду, и вас никто не считает голым, – отметила она.

Кажется, в ее голосе прозвучало разочарование? О боже, она точно добьет его.

– Но вы – девушка, – пробормотал Йен.

– Да, я в курсе: мне об этом уже говорили, – так что мою половую принадлежность можно считать установленной. – Маргарет засмеялась. – Ну а теперь, если мы закончили обсуждение моей одежды, позвольте мне пройти. У меня дела.

Она попыталась проскользнуть мимо него, но Йен схватил ее за руку. Он не был глуп и потому не привлек ее к себе, а продолжал удерживать на расстоянии вытянутой руки. Тем не менее она находилась достаточно близко, и у него мутилось в глазах. Маргарет была одета как мужчина, но от нее исходил совсем иной запах – чувственный, будораживший... волшебный.

– Но вы не сможете выиграть. Неужели сами не понимае-

те? Даже если вы его обгоните, то все равно проиграте.

Маргарет нахмурилась.

– О чем вы?

– Леди не устраивают публичных скачек с мужчинами. И никогда не выигрывают. Им не положено.

Маргарет снова нахмурилась. Черт возьми! Он вещает как ханжа и святоша. Кажется, Фин назвал его святошей? Хм... удачное сравнение. Маргарет усмехнулась, едва сдерживая смех.

– Возможно, у вас здесь все иначе, но дома я веду себя в точности так же, и никто не находит мое поведение странным. Думаю, здесь тоже привыкнут. Поверьте, это совершенно безобидное развлечение. Вы очень заботливы, но я знаю, что делаю.

Заботливый? Йен поморщился. Нет, он вовсе не заботливый!

– Правда? – Черт побери, он не желал ее обидеть, но все равно сказать придется. – Вас никогда тут не примут, если вы это сделаете.

Улыбка девушки стала чуть грустной.

– Я уверена: они меня в любом случае не примут, – так что волноваться мне не о чем. Однако... вы уделяете мне слишком много внимания.

Неужели? Йен пожал плечами. Что ж, пожалуй, да. Но он всего лишь хотел защитить ее, потому что...

Нет-нет, эту мысль лучше не додумывать до конца.

– Понимаете, даже если бы я захотела, семья не позволит мне отступить, – объяснила красавица. – Слишком поздно.

Осознав, что ничего нельзя изменить, Йен отпустил ее руку и посторонился. Что еще он мог сделать? Ведь это не его сражение и не его девушка.

Маргарет уже подошла к двери, когда он окликнул ее.

– Имейте в виду, Фин – лучший наездник из всех, кого я знаю, а вы...

Но девушка его перебила, прокричав:

– Я бы не бросила ему вызов, не будь уверена в своих силах!

Йен не мог не улыбнуться, глядя, как она бежит по двору. Похоже, она полностью уверена в себе. И, черт возьми, ему это нравилось!

Глава 7

Уверенность Маргарет оказалась вполне обоснованной: скачка завершилась менее чем за пять минут. Еще не успели стихнуть голоса зрителей, шокированных ее необычным нарядом, как толпа замерла, наблюдая за финишем. Да-да, она пришла первой!

Правда, ее соперник отстал не настолько, как ей хотелось. Фин лидировал всю дорогу до поворота на холм, но снизил скорость перед крутым поворотом, а она поскакала прямо и заставила коня сделать несколько огромных прыжков. В том месте были очень большие камни, но только для Даба подобные препятствия не представляли никакой сложности.

Этот конь был ее тайным оружием и причиной непоколебимой уверенности в победе. Даб еще никогда ее не подводил, хотя... Ох, чтобы скакать на нем, требовались стальные нервы. Но Маргарет давно уже поняла: ему нравилось держаться позади почти до конца скачки и только потом вырываться вперед.

Впрочем, Маргарет всегда была весьма опытной наездницей – с раннего детства прекрасно ездил верхом. Дункан всегда говорил, что она понимает язык если не всех животных, то лошадей – уж точно. Даже очень своенравный жеребец – такой, например, как Даб, который по всем параметрам являлся совершенно неподходящим для женщины, – успо-

каивался, когда она подходила к нему.

Маргарет улыбнулась, вспомнив лицо потрясенного Фина, когда ей вывели из конюшни своенравного черного жеребца. И было очевидно, что этот человек, который ей совсем не нравился, в лошадях все-таки знал толк.

Да и наездником он был превосходным. Этого качества у него тоже не отнимешь. Маргарет предположила, что их силы примерно равны, но у нее имелось одно преимущество (кроме Даба) – размеры и вес. Именно поэтому она была уверена, что женщины вполне могли состязаться с мужчинами, когда речь шла о скорости, особенно – с неповоротливыми тяжеловооруженными воинами. Она была на фут ниже Фина и весила вполовину меньше, чем он в доспехах, так что у Даба ноша оказалась намного легче. Если бы Финлей Макфиннон был меньше, тоньше и без доспехов, то мог бы обогнать ее.

Маргарет едва успела остановиться, когда ликующие братья стащили ее с коня и принялись обнимать.

– Адские колокола, Мэг! Какой великолепный прыжок! – прокричал Дункан и добавил вполголоса: – Знаешь, я не был уверен, что все обойдется.

По правде говоря, Мэгги тоже ни в чем не была уверена.

– У меня чуть сердце не остановилось, девчонка! – прорычал старик Макдауэлл, глядя на дочь с откровенной гордостью. – Я же говорил, что ты должна наконец перестать совершать такие головокружительные прыжки, иначе ко-

гда-нибудь... – Он со вздохом умолк.

– Ты говорил об этом, папа, и я обещала прекратить прыжки, – улыбнулась Маргарет, продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках. – Но я же не сказала, когда именно...

Тут подошла Бригид и обняла подругу. Ее поздравили еще несколько человек из свиты отца и его союзников. Первое возбуждение прошло, и Маргарет вдруг поняла, что вокруг... как-то странно тихо. Осмотревшись, она заметила, что толпа рассеялась.

Сначала она ощутила неуверенность, но быстро отбросила столь неуместное чувство. А чего, собственно, она ждала? Люди здесь, в Стерлинге, намного сдержаннее, чем в Гартланде, и не склонны к долгим ликованиям. А вот в Гартланде бы устроили пир на всю ночь!

У нее защемило сердце. Она очень скучала по дому и той жизни, которую знала и любила. В той жизни у нее никогда не возникало чувства, что она идет по острию ножа.

Она предположила, что немалую роль играет сложность и деликатность ситуации. В Шотландии все делилось на то, что относится к Брюсу, и то, что относилось к Комину. А итог гонки мог считаться победой Комина над Брюсом. Финлей Макфиннон – как и Йен – формально не являлся союзником Брюса, но был членом свиты графа на охоте. И, следовательно, слишком бурные поздравления с одной стороны могли быть неправильно восприняты на общем собра-

нии, которое должно было стать объединительным.

Наконец Маргарет покосилась на стоявшую неподалеку группу людей, вовсе не выражавшую восторга. Финлей смотрел на нее с таким выражением, что у нее кровь застыла в жилах. Мрачный, злой, исполненный негодования и обиды, он сверлил глазами соперницу, словно хотел убить. Йен стоял спиной к ней и что-то втолковывал другу, но Фин его не слушал, стараясь испепелить ее взглядом!

Ну что ж... Учитывая сказанное им перед скачкой, ей было наплевать. «Когда я выиграю, может быть, ты дашь мне то, что так щедро давала Маклину прошлой ночью?» – вот что он сказал! Маргарет разозлилась, и ей еще сильнее захотелось унижить его. Но она была бы душой, если бы не испытывала никаких опасений. Ей уже приходилось видеть разгневанных и униженных мужчин, но еще никогда она не сталкивалась с такой откровенной неприкрытой враждебностью.

Радость победительницы и чувство удовлетворения исчезли. Да, она выиграла, но обзавелась опасным врагом. А этого Маргарет совершенно не хотела. Ей не нравился Фин, но он друг Йена, а это имело для нее большое значение.

Финлей сказал Йену что-то резкое – похоже, выругался – и с побелевшим от злобы лицом направился к ней, ведя за собой великолепного жеребца. Когда Йен последовал за ним, их глаза встретились. Он выглядел встревоженным и раздосадованным.

Финлей же остановился в нескольких шагах от нее и улыб-

нулся – правда, его улыбка была какой угодно, но только не веселой.

– Миледи... – Он произнес это слово так, что оно прозвучало ругательством. – Миледи, поздравляю вас с победой. Похоже, я недооценил ваше искусство наездницы. Много практикуетесь, наверное.

В его словах и тоне не было ничего необычного, однако отец и братья, стоявшие рядом с ней, подобрались, а лицо Йена побелело от гнева.

– Скачка была очень напряженной. Выиграть мог любой, – ответила она, пожав плечами.

Почему-то ее вежливый и деликатный ответ еще больше разозлил Финлея.

– Но выиграли вы, – процедил он сквозь зубы, – и то лишь благодаря прыжку.

Маргарет подумала, что были и другие причины, но не стала уточнять. Ей очень хотелось закончить этот тягостный разговор.

– Да, мне повезло. А теперь, надеюсь, вы меня извините. Мы уже опоздали к полуденной трапезе, а я еще должна успеть переодеться, иначе половина гостей лишится чувств из-за моего наряда.

Никто не улыбнулся.

– Вы разве забыли о нашем пари? – спросил Фин и потянул за повод коня.

Маргарет перехватила взгляд Йена и сразу поняла, что

должна сказать.

– Пари? – переспросила она, словно не понимая, о чем речь. – А, вы имеете в виду шутку насчет коня? Забудьте. – Братья начали было возражать, однако Маргарет их проигнорировала. – Ведь если бы выиграла вы, то ни за что не отобрали бы у меня Даба, я в этом не сомневаюсь.

Они оба знали, что он именно так и поступил бы, но Маргарет подсказала ему выход: так он мог сохранить коня, которого не желал потерять. Утрата такого животного стала бы непоправимым ударом для воина, старающегося утвердиться. Всем известно, что хороший конь стоил целое состояние.

Болезненно поморщившись, Фин поклонился, словно признавая справедливость ее слов.

– Прекрасно! – воскликнула она. – Тогда больше не будем об этом говорить.

Маргарет знала, что немного позже ей придется выдержать битву с отцом и братьями: они будут в ярости из-за ее отказа принять такое великолепное животное, – но ее жест окажется очень даже полезным – ведь враждебность Финлея, возможно, хотя бы немного утихнет.

И действительно, гнев Финлея слегка поутих, но негодование и обида остались и даже усилились.

Йен же казался совершенно спокойным. Она перехватила его взгляд, однако сразу отвернулась – вокруг было слишком много людей.

Все время, пока подружки мылись и переодевались к тра-

пезе, Бригид была необычно молчалива, но погруженной в свои мысли Маргарет и так все было ясно.

Реакция гостей на скачки тревожила ее намного больше, чем ей хотелось бы. Она никак не могла избавиться от мысли, что Йен оказался прав. Но что она могла поделать? Допустить войну между людьми Брюса и ее братьями в середине мирных переговоров?

Ох, здесь все было не так. Правила и условности, которых тут придерживались все без исключения, казались ужасно глупыми. Она старательно убеждала себя в том, что мнение этих людей для нее ничего не значило, но это было не так. Мнение Йена кое-что значило для нее. Кроме того... Ее привезли сюда с определенной целью, хотя ей очень хотелось об этом забыть, так что мнение Джона Комина тоже должно быть для нее важным. А еще – Бригид. Маргарет знала, что подруге здесь нелегко, и она поклялась сделать для нее все, что сможет.

«Больше никаких скачек!» – поклялась она. А когда гнев отца из-за коня Фина утихнет, возможно, ей удастся уговорить его купить им с подругой несколько новых платьев. Маргарет была согласна даже на вуаль, если это сделает Бригид счастливой.

По пути в зал Маргарет поделилась своими планами с подругой, и та немного повеселела.

Все было нормально... пока они не вошли в зал.

«Проклятье!» – мысленно воскликнул Йен. Положение оказалось даже хуже, чем он предполагал. Презрение, с которым некоторые женщины смотрели на Маргарет Макдауэлл, и без того было немалым, но теперь...

Стоило им войти, как воцарилась мертвая тишина.

Как выяснилось, дело было не столько в скачке. Йену потребовалось время, чтобы разобраться в ситуации, но в конце концов брат Нейл просветил его. Люди видели, как Маргарет накануне вечером шла из донжона вслед за Финном, а ее одежда была в беспорядке. Выходило, что она бросила вызов мужчине, а потом выиграла у него якобы обманом, желая отомстить за то, что он ее с презрением отверг. К тому времени как Йен услышал ту же историю от Брюса, она успела обрасти подробностями. И теперь ее с Финном видели не просто идущими друг за другом, а совокупляющимися.

Йен активно возражал, старался развеять слухи, но люди упорно желали верить в худшее. Маргарет была не такая, как все они: смелее, увереннее, независимее, – и они хотели заставить ее платить за эту непохожесть.

Йен был в ярости. Он злился не только на тех, кто распускает слухи, но и на себя. Это его вина. Ведь именно он ее целовал. И если она выглядела растрепанной, то из-за него. Вероятно, кто-то видел, как Фин покинул комнату после того, как он прервал их страстные объятия, а потом этот кто-то заметил, как вышла Маргарет. Сам же Йен ушел последним. О нем тоже могли судачить.

Впрочем, Фину, похоже, было все равно. Его настроение значительно улучшилось. Он с видимым удовольствием прислушивался к разговорам. Йен понимал злость друга – тяжело пережить столь сильный удар по самолюбию, – но никак не мог понять, почему тот откровенно радовался тому, что Маргарет все избегали, особенно после ее благородного жеста с конем. Она ведь имела полное право забрать жеребца Фина – пари есть пари. И с прыжками не было никакого обмана. Она выиграла честно.

Йен никогда не видел ничего подобного. Она словно слилась с конем, стала с ним одним целым. Бесстрашная девушка. Легкая, сильная, дикая – и отчаянная. Таковую не скоро забудешь.

Он все еще помнил, как у него на мгновение остановилось сердце, когда она пролетала над острыми камнями.

Дикарка. Авантюристка. Слишком смелая. И восхитительная!

И ему становилось все труднее вспомнить причины, делавшие ее неподходящей для него партией.

Йен не осознавал, насколько сильно она ему нужна, но трапеза окончилась и вдруг оказалось, что ее нигде нет... И он почувствовал себя покинутым.

Что-то случилось? Она что-то услышала? Кто-то был с ней груб? Или жесток?

Он не мог вынести мысль, что кто-то причинил ей боль, и чувствовал потребность защитить ее. Впрочем...

Маргарет могла быть с Комином, и Йен стал высматривать его. Безуспешно. Он уже был готов отправиться на поиски, когда к столу подбежала сестра. Судя по ее виду, она была готова взорваться от возбуждения.

– Ты слышал? – воскликнула сестра.

Предвидя, что она начнет пересказывать очередные сплетни, Йен встал из-за стола и отвел сестру в сторону.

– Надеюсь, ты не намерена распространять глупые слухи, Марджори.

Сестра наморщила носик, но сдержаться не смогла.

– Тебе повезло. – Она сокрушенно вздохнула. – Ах, бедный Фин!..

Марджори с детства была влюблена в Фина, но все равно то, что она сказала, было нелепо. В данной ситуации Фин не заслуживал сочувствия.

– При чем тут Фин?

Марджори закатила глаза.

– О, тебе очень повезло, что ты избежал ловушки этой блудницы. А Фин едва не попался. Она соблазнила его и хотела заставить на ней жениться.

Йен решил, что с него хватит. Он больше не мог слышать подобную чушь. Он взял сестру за плечи и слегка встряхнул, желая вернуть хотя бы маленькую толику разума в ее хорошенькую темноволосую головку.

– Фин здесь ни при чем. Это был я. Именно я был с ней в комнате. Но между нами ничего не произошло. Абсолютно

ничего. И не смей повторять злобные сплетни. Я тебе приказываю. Ты поняла?

Сестра кивнула и недоверчиво переспросила:

– Ты?..

– Да, я. И если кто-то был причиной всех этих слухов, то именно я.

На личике Марджори отразился ужас, быстро сменившийся раскаянием.

– Ты ее видела? – Сестра покачала головой. – А молодого Комина?

Она снова мотнула головой.

– Я видела его сестер у входа несколько минут назад.

Йен поморщился. Откровенно говоря, они ему не нравились: злобные, склонные осуждать других людей и сплетничать. А с Марджори ему придется серьезно поговорить. Больше нельзя делать вид, что она еще ребенок и не ведает, что творит.

В зале был небольшой закуток между главным входом и коридором, ведущим в кухню. Рядом располагалась гардеробная, где собирались дамы, чтобы привести себя в порядок. Там он их нашел.

Женщин было много, но Маргарет среди них не оказалось. Йен уже собрался уходить, когда вдруг услышал ее имя. Кажется, заговорила Элизабет, старшая сестра Джона. Другая сестра, Джоан, топталась рядом. Других дам Йен не знал.

– Маргарет Макдауэлл? Ты ошибаешься. Мой брат ни-

когда не женится на такой девушке, – заявила молодая дама. – А если ее слабоумный отец думает, что мой брат возьмет в жены девицу, полностью лишенную достоинства, манер и моральных принципов, то это его проблема. О, она вполне могла бы надеть желтые одежды шлюхи. А как она одевается! Как ведет себя! Я вовсе не была удивлена, узнав, что она соблазнила Финлея Макфиннона. – Другая женщина попыталась что-то возразить, но сестра Комина ее перебила: – Их видели. Какие еще нужны доказательства? Если раньше и были какие-то сомнения – а их не было, – то сейчас все ясно. Мой брат никогда не женится на шлюхе.

Будь Йен мужчиной, способным ударить женщину, Элизабет Комин оказалась бы в большой опасности. А так... Он лишь сжал кулаки. Сообразив, что больше не в состоянии слушать этот бред и не может вмешаться и сказать что-нибудь, дабы заткнуть рты этим гарпиям, он собрался уходить. Но в этот момент одна из женщин постучала в дверь гардеробной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.